

ВЕЛИКИЕ
УЧИТЕЛЯ

Библиотека Российского научного
медицинского общества терапевтов

Серия «Жизнь замечательных врачей»
Учитель, Клиницист и Человек

Посвящается 125-летию со дня рождения
Павла Евгеньевича Лукомского

Москва
2024

УДК 614.2:616–053.2(470–25)(091)

ББК 51.1(2–2Москва)г

К11

Кокорин В.А., Ромашевская Е.И., Камардина А.И., Ослопова П.Г., Раужева В.П.,
Смирнова В.В., Юняев А.Р.
К11 П.Е. Лукомский. К 125–летию со дня рождения. Учитель, Клиницист и Человек /
Кокорин В.А., Ромашевская Е.И., Камардина А.И., Ослопова П.Г., Раужева В.П., Смирнова
В.В., Юняев А.Р. – Москва: Бионика Медиа Инновации. 2024. – 56 с.
ISBN 978–5–6050781–1–1

В 2024 году исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого, врача и педагога Павла Евгеньевича Лукомского. Он остался в истории медицины не только своими научными и врачебными свершениями, но и как создатель одной из ведущих в стране терапевтических школ, из рядов которой вышли более 40 заведующих кафедрами, академиков и член–корреспондентов Академии наук, профессоров и руководителей органов здравоохранения. Надеемся, что наш совместный труд позволит лучше узнать жизненный путь, человеческие качества и свершения одного из ведущих представителей отечественной терапевтической школы XX века, памяти которого посвящены мероприятия РНМОТ в 2024 году.

ISBN 978-5-6050781-1-1

УДК 614.2:616–053.2(470–25)(091)
ББК 51.1(2–2Москва)г

ISBN 978–5–6050781–1–1

©ООО «Бионика медиа Инновации», 2024

Отпечатано в типографии ООО «ТИПОГРАФИЯ»
Юридический адрес: 115477, Россия, г. Москва, ул. Кантемировская, д.60
Фактический адрес: 115477, Россия, г. Москва, ул. Кантемировская, д.60
Телефон: +7 (495) 730–16–51

Библиотека Российского научного медицинского общества терапевтов

Серия «Жизнь замечательных врачей»

УЧИТЕЛЬ, КЛИНИЦИСТ И ЧЕЛОВЕК

**П.Е. Лукомский
К 125-летию со дня рождения**

АВТОРЫ:

- В.А. Кокорин, д.м.н., заведующий кафедрой госпитальной терапии с курсами эндокринологии, гематологии и КЛД МИ РУДН им. Патриса Лумумбы, профессор кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского ИКМ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, ученый секретарь РНМОТ
- Е.И. Ромашевская, к.м.н., доцент
- А.И. Камардина, ординатор кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского ИКМ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
- П.Г. Ослопова, студентка лечебного факультета ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
- В.П. Раужева, ординатор кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского ИКМ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
- В.В. Смирнова, ординатор кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского ИКМ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
- А.Р. Юняев, ординатор кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского ИКМ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

*При подготовке издания использованы воспоминания учеников
П.Е. Лукомского: В.А. Асоскова, Б.Я. Барта, В.Л. Доццинина,
А.И. Мартынова, Е.Т. Разумовой, Г.Е. Ройтберга, М.П. Савенкова, Н.Н. Тепловой,
а также его родственницы А.Н. Грацианской*

ОТ АВТОРОВ

В 2024 году исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого, врача и педагога Павла Евгеньевича Лукомского. Он остался в истории медицины не только своими научными и врачебными свершениями, но и как создатель одной из ведущих в стране терапевтических школ, из рядов которой вышли более 40 заведующих кафедрами, академиков и член-корреспондентов Академии наук, профессоров и руководителей органов здравоохранения.

Достижениям Павла Евгеньевича посвящено достаточно большое количество работ исследователей и его учеников. Однако о его детских годах, периоде становления и человеческих качествах известно мало. В этом издании мы постарались совместить описание жизненного и научного пути П.Е. Лукомского и привести наиболее полный список его учеников. Часть из них, кто до сих пор в строю, согласились поделиться своими воспоминаниями о Павле Евгеньевиче.

К сожалению, так сложилось, что в год памяти своего Учителя, во время подготовки данного издания, ушел из жизни один из наиболее ярких его учеников – президент РНМОТ, академик РАН, профессор Анатолий Иванович Мартынов. Его воспоминания о П.Е. Лукомском стали одним из последних трудов, оставшихся нам в наследие от этого замечательного человека.

Надеемся, что наш совместный труд позволит лучше узнать жизненный путь, человеческие качества и свершения одного из ведущих представителей отечественной терапевтической школы XX века, памяти которого посвящены мероприятия РНМОТ в 2024 году.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. СТАНОВЛЕНИЕ

Павел Евгеньевич Лукомский родился 11 (23) июля 1899 года в местечке Суворовский Штаб близ станции Моньки Белостокского уезда Гродненской губернии, которое ныне находится на территории Польши. Про его детские годы и семью известно мало. Отец – Евгений Иванович Лукомский, 1863 года рождения, был кадровым военным, в чине капитана, командиром роты 62-го пехотного Сузdalского генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полка. Мать – Александра Александровна – была учительницей. В семье росли пятеро детей (два сына и три дочери: Евгения, Елена и Татьяна). Одним из родственников Павла Евгеньевича был видный военачальник, начальник штаба Верховного главнокомандующего (в 1917 г.), генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский.

П.Е. Лукомский с мамой.
Начало 1900-х гг.

П.Е. Лукомский с сестрами

Генерал А.С. Лукомский

В начале XX века семья Лукомских переехала в Москву. Сохранилось Свидетельство об окончании Павлом Евгеньевичем в 1909 году Якиманского 4-го городского начального училища. В 1917 году Павел Евгеньевич закончил Московскую 10-ю мужскую гимназию, которая располагалась в доме камергера С.М. Сухотина на Большой Якиманке, и поступил на медицинский факультет Московского университета. Во время учебы в университете судьба свела его с Евгением Михайловичем Тареевым, под руководством которого он проходил студенческую практику в качестве врача-старшекурсника. Е.М. Тареев тогда был в клинике врачом-ординатором. Молодые ученые подружились и пронесли эту дружбу через всю жизнь.

После окончания университета в 1923 году Павел Евгеньевич

Свидетельство об окончании
П.Е. Лукомским Якиманского
4-го городского начального училища

П.Е. Лукомский с сестрами и друзьями

Е.М. Тареев

Д.Д. Плетнев

Д.А. Бурмин

обучался в клинической ординатуре на кафедре госпитальной терапии. В годы Гражданской войны П.Е. Лукомский тяжело переболел тифом. С 1928 года он работал ассистентом, затем – доцентом той же кафедры под руководством выдающегося отечественного терапевта, профессора Дмитрия Дмитриевича Плетнева и в клинике госпитальной терапии, которую возглавлял Дмитрий Александрович Бурмин. Именно их Павел Евгеньевич считал своими учителями.

Уже в ординатуре П.Е. Лукомский стал серьезно заниматься клинико-инструментальными исследованиями. Его ранние научные труды посвящены изучению капилляроскопии и периферического кровообращения при заболеваниях сердца, клинике нагноительных заболеваний легких, заболеваниям печени, крови. Тяга к науке молодого ученого была настолько велика, что в течение нескольких лет он работал в должности приват-доцента, не получая никакого материального вознаграждения. Павел Евгеньевич высоко ценил Д.Д. Плетнева, часто бывал

Д.Д. Плетнев с сотрудниками кафедры.
Во втором ряду крайний слева – П.Е. Лукомский

у него дома, сопровождал во время летних поездок на Кавказские Минеральные Воды и дружил с его приемной внучкой Ниной Сергеевной Ободовской (родной внучкой жены Дмитрия Дмитриевича от ее первого брака). Однако после увольнения Д.Д. Плетнева из университета П.Е. Лукомский дистанцировался от учителя. Несмотря на это, в научном пути П.Е. Лукомского четко прослеживается преемственность основных направлений исследований, конкретных проблем, методического подхода Д.Д. Плетнева.

Постепенно предметом научного интереса Павла Евгеньевича становятся заболевания сердечно-сосудистой системы. Будучи еще ординатором клиники, он впервые описывает случай прижизненной диагностики тромбоза левой венечной артерии, опубликованный в журнале «Клиническая медицина» в 1925 году. Его интересуют

возможности применения в клинике электрокардиографии (ЭКГ), особенно в диагностике поражений миокарда. Им были описаны изменения ЭКГ у больных ревматизмом, в частности, нарушения проводимости, диссоциация с интерференцией, появление изменений ЭКГ, указывающих на нарушение коронарного кровообращения и др. В 1938 году П.Е. Лукомским была опубликована первая в СССР работа, посвященная диагностическому значению грудных отведений при инфаркте миокарда. В те же годы его интерес привлекают нарушения ритма сердца при инфаркте миокарда. В 1939 году П.Е. Лукомский защитил докторскую диссертацию на тему «Изменения электрокардиограммы при заболеваниях миокарда». Его клинические и экспериментальные исследования связи изменений ЭКГ с поражениями миокарда обобщены в монографии

П.Е. Лукомский.
1920-е гг.

Приемная внучка Д.Д. Плетнева Н.С.
Ободовская и П.Е. Лукомский в Кисловодске.
Вторая половина 1920-х гг.

П.Е. Лукомский с коллегами и пациентами в эвакогоспитале

П.Е. Лукомский с коллегой. 1940-е гг.

«Электрокардиограмма при заболеваниях миокарда» (1943 г.).

В 1941 году 1-й Московский медицинский институт эвакуируется в Уфу. Здесь П.Е. Лукомский исполняет обязанности заведующего кафедрой факультетской терапии, а чуть позже – кафедрой пропедевтики внутренних болезней, консультирует больных со сложными диагнозами в эвакогоспиталах (их в Уфе в годы войны было 36). В 1944–1949 годы уже в Челябинске он основывает и возглавляет кафедру госпитальной терапии, а также является проректором по учебной работе Челябинского медицинского института.

Военный билет П.Е. Лукомского

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ о болезни и смерти И. В. Сталина

В ночь на второе марта у И. В. Стаскина произошло кровоизлияние в мозг (в его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза. В результате этого наступили паралич правой половины тела и стойкая потеря сознания. В первый же день болезни были обнаружены признаки расстройства дыхания вследствие нарушения функции первичных центров. Эти нарушения или в день наступления; или имели характер I. периодического дыхания с длительными паузами (дыхание Чейн-Стокса). В ночь на третье марта нарушения дыхания стали приобретать временными угрожающий характер. С самого начала болезни были обнаружены

Министр здравоохранения СССР А. Ф. ТРЕТЬЯКОВ
Начальник Лечебно-Клинической Кремлевской больницы И. И. КУПЕРИН
Главный терапевт Минздрава СССР профессор П. Е. ЛУКОМСКИЙ
Действительный член Академии медицинских наук профессор Н. В. КОНОВАЛОВ
Действительный член Академии медицинских наук профессор А. Л. МЯСНИКОВ
Действительный член Академии медицинских наук профессор Е. М. ТАРЕЕВ
Член-корреспондент Академии медицинских наук профессор И. Н. ФИЛИМОНОВ
Профессор И. С. ГЛАЗУНОВ. Профессор Р. А. ГКАЧЕВ
Доктор В. И. ИВАНОВ-НЭЗНАМОВ

жены также значительные изменения со стороны сердечно-сосудистой системы, а именно, высокое кровяное давление, учащение и нарушение ритма пульса (мерцательная аритмия) и расширение сердца. В связи с прогрессирующими расстройствами дыхания

достаточности (желтаг). Электрокардиографическое исследование позволило установить острое нарушение кровообращения в венечных сосудах сердца с образованием очаговых поражений сердечной мышцы.

ния и кровообращения уже с третьего марта появились признаки числовой недостаточности. С первого дня болезни повысилась температура и стала отмечаться высокий лейкоцитоз, что могло указывать на развитие воспалительных очагов в легких.

марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться: дыхание сделалось поверхностным и резко учащенным, частота пульса достигла 140—150 ударов в минуту, наполнение пульса упало.

Медицинское заключение о болезни и смерти И.В. Сталина. Газета «Советский Сахалин», 7 марта 1953 г.

В 1949 году Павел Евгеньевич возвращается в Москву, где становится заведующим кафедрой факультетской терапии педиатрического факультета 2-го Московского государственного медицинского института (МГМИ) и одновременно – главным терапевтом Министерства здравоохранения СССР. Известно, что Павел Евгеньевич

П.Е. Лукомский. 1950-е гг.

участвовал в лечении И.В. Сталина в последние дни его жизни, и подпись П.Е. Лукомского стоит в медицинском заключении о болезни и смерти Сталина.

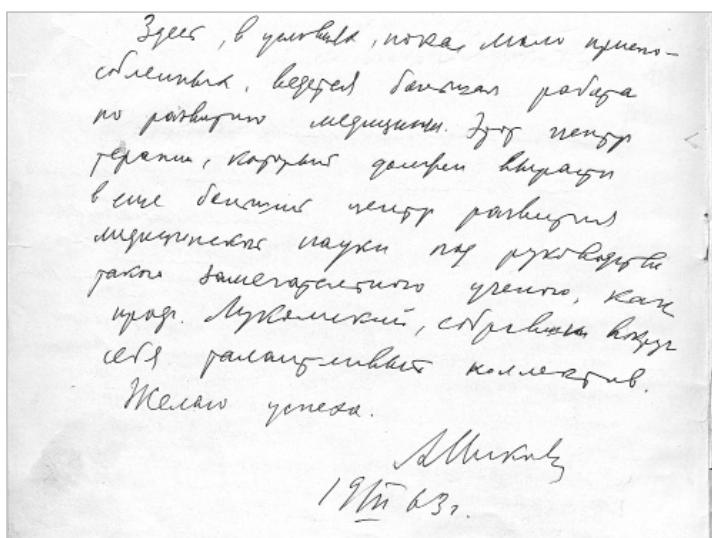
В январе 1953 года П.Е. Лукомский возглавляет кафедру госпитальной терапии лечебного факультета 2-го МГМИ, где проработает до конца жизни. Клинической базой кафедры (180 коек) в то время была 5-я Советская больница на Большой Калужской улице (сейчас это Центральная клиническая больница Святителя Алексия). В 1962 году кафедра получает новую базу в 59-й городской больнице с 300 терапевтическими койками.

РАСЦВЕТ. СОЗДАНИЕ ШКОЛЫ

Начиная с 1953 года, П.Е. Лукомский публикует ряд работ, посвященных вопросам организации и совершенствования терапевтической службы, диспансеризации больных, профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, в частности, инфаркта миокарда. С 1955 года научные интересы кафедры П.Е. Лукомского концентрируются, главным образом, на заболеваниях сердечно-сосудистой системы. Исследуются вопросы этиологии, ранней диагностики, лечения и профилактики инфаркта миокарда, изучаются его атипичные формы.

На базе клиники, руководимой П.Е. Лукомским, был создан один из первых в стране блок интенсивной терапии для больных острым инфарктом миокарда. Здесь получили путевку в жизнь методы диагностики и лечения, многие из которых не утратили своего значения до настоящего времени и прежде всего тромболитическая терапия. Из клиники Лукомского вышли первые в нашей стране работы по применению периферических вазодилататоров, баллонной контргипсации при инфаркте миокарда и его осложнениях. Целое научное направление сформировали исследования, посвященные роли нарушений гемостаза и реологических свойств крови при ИБС.

Павел Евгеньевич глубоко изучал вопросы дифференциальной диагностики основных форм коронарной болезни сердца – стенокардии, мелко- и крупно-

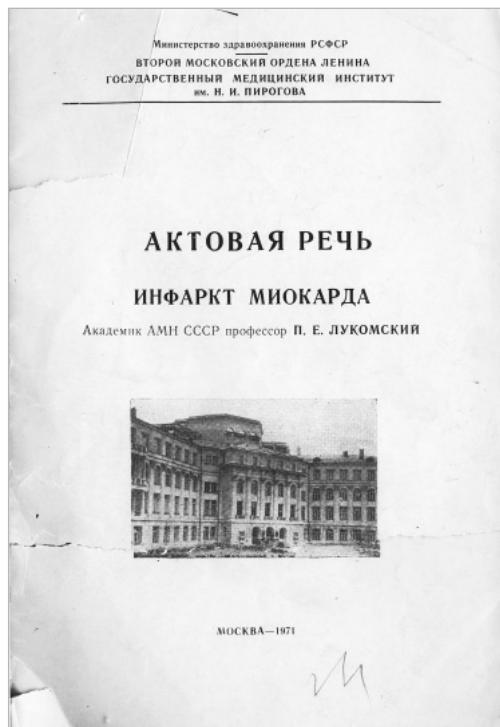
Отзыв А.И. Микояна после посещения клиники П.Е. Лукомского. 1963 г.

очагового инфаркта миокарда. В клиническую практику были внедрены методы определения биохимических показателей сыворотки крови, в частности, активности ряда ферментов. Особое значение П.Е. Лукомский придавал выделению мелкоочагового инфаркта миокарда, справедливо полагая, что это состояние имеет серьезные патогенетические отличия.

Павел Евгеньевич большое внимание уделял изучению основных осложнений инфаркта миокарда: кардиогенному шоку, нарушениям ритма и проводимости сердца. Еще в ту пору он указывал на необходимость своевременного распознавания продромальных симптомов инфаркта, что получило свое развитие в более поздних исследованиях нестабильной стенокардии.

Одним из первых в стране Павел Евгеньевич применил анти тромботическую терапию при прединфарктном синдроме. Придавая большое значение исследованиям метаболизма миокарда, он искал пути эффективного воздействия на сократительную способность поврежденного миокарда и первым применил комплекс стимуляторов синтеза нуклеиновых кислот при лечении больных инфарктом. Благодаря исследованиям коллектива кафедры впервые в нашей стране была установлена эффективность пропранолола и верапамила при стенокардии.

Атеросклероз также составлял предмет изучения для П.Е. Лукомского. Его интересовал патогенетический механизм этого заболевания. Здесь Павел Евгеньевич являлся единомышленником Н.Н. Аничкова, который трактовал атеросклероз как болезнь обмена липидов. Под руководством Лукомского велось систематическое изучение препаратов, оказывающих гипохолестеринемическое действие. По предложению П.Е. Лукомского сотрудниками ВНИФХИ был синтезирован препарат линетол. На кафедре было исследовано также действие холина, пиридоксина,

больших доз никотиновой кислоты, липоевой кислоты, нейротропных и других веществ у больных коронарным атеросклерозом.

Глубоко и всестороннее изучая различные аспекты сердечной недостаточности, П.Е. Лукомский отмечал значение нарушений гемодинамики, водно-электролитного обмена и состояния нейрогуморальных систем. Двигаясь в этом направлении, он предложил концепцию применения новых диуретических средств с различными механизмами действия. В его клинике начал применяться фуросемид, позволивший буквально совершить переворот в лечении застойной сердечной недостаточности. Одновременно изучалась клиническая эффективность спиронолактона. Публикации о применении фуросемида, этакриновой кислоты и препарата калийсберегающего действия – триамтерена у пациентов с сердечной недостаточностью были первыми в отечественной литературе.

Чрезвычайно важным направлением научных исследований, проводимых в клинике под руководством Лукомского, явилось изучение сердечных аритмий. Павел Евгеньевич заинтересовался этим явлением еще в 30-е годы, опубликовав ряд работ, освещавших желудочковые нарушения ритма. Клиника Лукомского на многие годы превратилась в крупный методический центр по антиаритмической терапии.

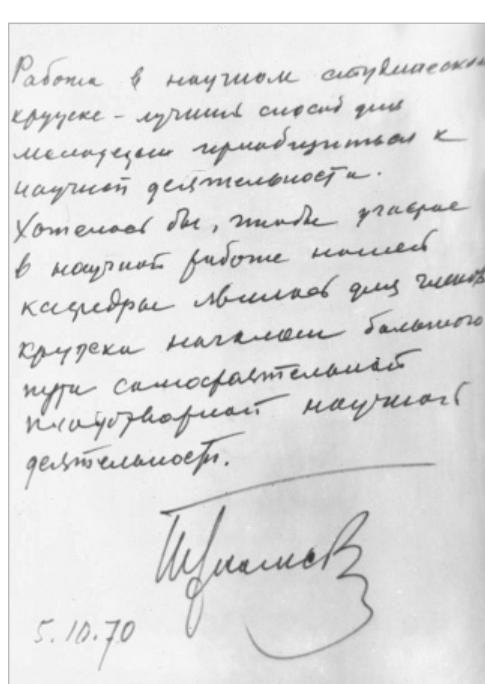
Поддерживая все новое и прогрессивное в «научной работе», П.Е. Лукомский придавал большое значение развитию современных инструментальных методов исследования сердечно-сосудистой системы. Особое внимание ученого привлекали возможности графических методов, в частности, фонокардиографии. Один из первых в стране Лукомский увидел возможности, которые открывало использование методов радиоизотопной диагностики. В его клинике эти методы нашли широкое применение при исследовании центральной и периферической гемодинамики, водного и электролитного обмена, функционального состояния внутренних органов. Здесь же впервые были апробированы методы разведения красителя для изучения центральной гемодинамики. Особым пластом исследований были работы по артериальной гипертонии.

A black and white photograph of Pavel Lukomskiy, a man with dark hair, wearing a white medical coat over a dark shirt. He is looking slightly downwards and to his left. The background is a plain, light-colored wall.

Поддерживая все новое и прогрессивное в «научной работе», П.Е. Лукомский придавал большое значение развитию современных инструментальных методов исследования сердечно-сосудистой системы. Особое внимание ученого привлекали возможности графических методов, в частности, фонокардиографии. Один из первых в стране Лукомский увидел возможности, которые открывало использование методов радиоизотопной диагностики. В его клинике эти методы нашли широкое применение при исследовании центральной и периферической гемодинамики, водного и электролитного обмена, функционального состояния внутренних органов. Здесь же впервые были апробированы методы разведения красителя для изучения центральной гемодинамики. Особым пластом исследований были работы по артериальной гипертонии.

В памяти людей Павел Евгеньевич остался и как замечательный врач. Его врачебное искусство простипалось на всех, кому посчастливилось к нему обратиться за помощью. Это

П.Е. Лукомский
у постели больного

Напутствие П.Е. Лукомского
участникам студенческого
научного кружка кафедры. 1970 г.

был поистине дар Божий. Даже уже будучи тяжело больным, он делал ежедневные обходы в блоке интенсивной терапии, сопровождая их подробными клиническими разборами.

Большое значение на кафедре П.Е. Лукомского придавалось приобщению к научной работе студентов – успешно и регулярно проводились занятия студенческого научного кружка, которым руководили последовательно Г.А. Раевская, В.И. Бобкова, В.В. Соловьев, Л.Л. Орлов, В.А. Люсов.

Врач, ученый, педагог, организатор здравоохранения – он был талантлив во всем. Его «Клинические лекции по кардиологии», изданные в 1973 году, были встречены с огромным интересом врачами, студентами и преподавателями медицинских институтов. К 70-летию П.Е. Лукомского вышел международный сборник «Достижения современной кардиологии», куда вошли труды кафедры. В 1971 году работу сотрудников кафедры осветил сборник «Ишемическая болезнь сердца».

П.Е. Лукомский с сотрудниками кафедры госпитальной терапии

П.Е. Лукомский являлся автором более 170 научных работ. Под его руководством подготовлено свыше 50 диссертационных исследований. За период с 1953 по 1974 год сотрудниками кафедры было опубликовано свыше 500 статей, защищено 7 докторских и 34 кандидатских диссертации.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П.Е. Лукомский. 1960-е гг.

Помимо научных исследований, лечебной и педагогической работы Павел Евгеньевич ярко проявил себя в издательской и общественной деятельности. Он являлся редактором 1-го тома «Руководства по внутренним болезням», раздела «Внутренние болезни» 2-го издания Большой медицинской энциклопедии (1956–1964 гг.), был членом редакционных советов таких авторитетных научно-практических журналов, как «Терапевтический архив», «Советская медицина», «Cor et Vasa» и «American Heart journal». Совместно с А.Л. Мясниковым в 1961 году П.Е. Лукомский основал журнал «Кардиология» и с 1966 года до конца своей жизни занимал пост его главного редактора. Заседания редакционной коллегии Павел Евгеньевич превращал в интереснейшие

научные дискуссии о самых важных проблемах кардиологии, в которые вовлекались все члены редколлегии.

Павел Евгеньевич активно участвовал и в жизни профессиональных сообществ. На протяжении многих лет он являлся членом правления Всесоюзного научного общества терапевтов. На X Съезде терапевтов СССР, который проходил 15–20 мая 1928 года в Ленинграде, П.Е. Лукомский представил автореферат по сердечно-сосудистым проблемам в раннем периоде сифилиса. На XII Всесоюзном съезде терапевтов (Ленинград, 1935 г.) Павел Евгеньевич выступил с докладом по программному вопросу «Трудоспособность при сердечно-сосудистых заболеваниях». На XIV Всесоюзном съезде терапевтов (Москва, 1956 г.) он совместно с Е.М. Тареевым представил программный доклад «Инфаркт миокарда», в котором отметил, что в основе инфаркта миокарда лежат атеросклероз коронарных артерий и их тромбоз, а неблагоприятную прогностическую роль играют вовлечение в процесс межжелудочковой перегородки, повторность инфарктов, наличие выраженной сердечной недостаточности, высокий лейкоцитоз, сочетание с гипертонической болезнью. В рамках XV Всесоюзного съезда терапевтов (Москва, 1962 г.) П.Е. Лукомский выступил в прениях по докладу Б.Е. Вотчала «Патогенез, профилактика и лечение легочного сердца».

Большой заслугой ученого являлось участие в создании Всесоюзного научного общества кардиологов, первым председателем которого он стал в 1963 году. Организаторский талант Павла Евгеньевича нашел свое выражение

Выступление П.Е. Лукомского на открытии съезда кардиологов

в подготовке и проведении I и II Всесоюзных съездов кардиологов (1966 и 1973 гг.).

Павел Евгеньевич очень широко понимал задачи профессиональных общественных организаций. Он много работал над объединением усилий специалистов различного профиля для решения наиболее сложных задач кардиологии. Например, в 1972 году он явился инициатором конференции, на которой впервые был поставлен вопрос о необходимости хирургического лечения коронарного атеросклероза.

П.Е. Лукомский много лет был главным терапевтом Минздрава СССР, председателем научного совета по сердечно-сосудистым заболеваниям при АМН СССР, возглавлял целый ряд научных союзов и ассоциаций. При этом он никогда не относился к занимаемой должности формально и, будучи требовательным к себе, умел так поставить работу, что казалось: именно эта сторона его деятельности является приоритетной.

НАГРАДЫ И ПАМЯТЬ

За свои заслуги П.Е. Лукомский был награжден званием Герой Социалистического Труда (в 1969 г.), двумя орденами Ленина (в 1953 и 1969 гг.), орденом Трудового Красного Знамени (в 1959 г.). Он – член-корреспондент (1961 г.), а с 1963 г. – академик АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР (1967 г.). За организацию лечения больных инфарктом миокарда в 1969 году П.Е. Лукомский вместе с В.Н. Виноградовым, Е.И. Чазовым, З.И. Янушкевичусом и Б.П. Кушелевским был удостоен Государственной премии СССР. Он – почетный гражданин г. Челябинска (1969 г.).

Деятельность П. Е. Лукомского получила широкое международное признание. Он был избран членом-корреспондентом Французского кардиологического общества (1964 г.), почетным членом Кардиологического и ангиологического общества ГДР (1968 г.), Польского (1968 г.) и Югославского кардиологических обществ, Американской ассоциации сердца (1971 г.).

Посвятив медицине всю свою жизнь, Павел Евгеньевич существенную часть своих личных сбережений завещал для премирования молодых ученых 2-го Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова. Именную премию П.Е. Лукомского получили многие талантливые молодые кардиологи и терапевты.

П.Е. Лукомский с зарубежными коллегами

Похоронен П.Е. Лукомский на Новодевичьем кладбище. Каждый год в начале апреля его ученики и сотрудники кафедры, которой он руководил, собираются в день памяти Учителя у его могилы.

Память о П.Е. Лукомском увековечена на мемориальной доске у главного входа в поликлинику дорожной клинической больницы Южно-Уральской железной дороги на станции Челябинск и в Москве на территории ГКБ №59 на улице Достоевского, дом 31, корпус 1. Его имя носит кафедра госпитальной терапии лечебного факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова, которой он заведовал на протяжении более 20 лет.

Решением президиума Российского научного медицинского общества терапевтов все мероприятия Общества в 2024 году посвящаются памяти Павла Евгеньевича Лукомского.

Павел Евгеньевич Лукомский успел многое сделать и многое достичь в своей жизни. Его труд был по достоинству оценен на Родине и за рубежом. В этой книге мы приводим список учеников П.Е. Лукомского, а также впервые публикуем их воспоминания о том, с какой заботливой и строгой отцовской любовью воспитывал он в своей школе молодых врачей, ученых, педагогов. Каким он был в кругу родственников – рассказывает по воспоминаниям своих родителей его правнучатая племянница.

Могила П.Е. Лукомского на Новодевичьем кладбище в Москве

Памятная доска в поликлинике дорожной клинической больницы (Челябинск)

УЧЕНИКИ П.Е. ЛУКОМСКОГО:

- Акимов Юрий Иванович – д.м.н.
- Александров Андрей Алексеевич – д.м.н., профессор, заведующий кардиологическим отделением Эндокринологического научного центра РАМН
- Алексеева Наталья Петровна – к.м.н.
- Аракчеев Александр Иванович – д.м.н., профессор
- Аршакуни Рубен Оттович – к.м.н., доцент кафедры внутренних болезней МГМСУ
- Асоксов Вячеслав Анатольевич – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Барт Борис Яковлевич – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой поликлинической терапии РГМУ (1987-2015)
- Белоусов Юрий Борисович (1942-2017) – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой клинической фармакологии РГМУ (1984-2016), президент РНМОТ (2009-2012).
- Бобкова Вера Ивановна (1919-2009) – д.м.н., профессор, заведующая кафедрой госпитальной терапии №2 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова (1967-1987)
- Бритов Анатолий Николаевич (1934-2020) – д.м.н., профессор
- Буковская Анна Власьевна (1916-2001) – к.м.н.
- Булычев Владислав Васильевич – д.м.н.
- Бунаева (Тугутова) Валентина Еремеевна – к.м.н.
- Виноградова Инна Владимировна – к.м.н., старший лаборант кафедры терапии и полиморбидной патологии им. академика М.С. Вовси РМАНПО
- Глазер Генрих Абрамович (1925-...) – д.м.н., профессор
- Глубоков Даниил Александрович (1923-2007) – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии (1958-1989) и ректор Челябинского государственного медицинского института (1966-1995)
- Горбаченков Анатолий Алексеевич (1936-2023) – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой профилактической кардиологии ФУВ РГМУ
- Грацианский Николай Андреевич (1942-2019) – д.м.н., профессор, руководитель лаборатории клинической кардиологии НИИ физико-химической медицины (1989-2016)
- Грудцын Геннадий Васильевич – д.м.н., профессор
- Дошицин Владимир Леонидович – д.м.н., главный кардиолог ВМУ КГБ СССР – ФСБ России, профессор кафедры кардиологии ФДПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Дудаев Виктор Алексеевич – д.м.н., профессор кафедры факультетской терапии и профболезней МГМСУ

- Евсиков Евгений Михайлович – д.м.н., профессор кафедры клинической фармакологии им. Ю.Б. Белоусова РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Жаров Евгений Иосифович (1929-1997) – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой терапии, клинической фармакологии и скорой медицинской помощи ММСИ (1975-1997)
- Задионченко Владимир Семенович – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой поликлинической терапии МГМСУ (1985-2014), профессор кафедры терапии и профилактической медицины МГМСУ им. А.И. Евдокимова, заслуженный деятель науки РФ
- Зимин Юрий Васильевич – д.м.н., профессор
- Казьмина Полина Васильевна (1920-...) – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова
- Кацман Регина Филипповна – д.м.н.
- Козинский Николай Алексеевич (...-2022) – к.м.н., ассистент кафедры госпитальной терапии №1 РГМУ
- Королева Светлана Алексеевна – д.м.н.
- Корочкин Иван Михайлович (1934-2011) – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой факультетской терапии РГМУ (1976-2011)
- Кудисов Юрий Михайлович – к.м.н.
- Люсов Виктор Алексеевич (1938-2011) – д.м.н., профессор, академик РАЕН, академик Лазерной академии наук, заведующий кафедрой госпитальной терапии №1 РГМУ (1974-2011), лауреат Государственной премии России, заслуженный деятель науки России, президент ВНОК (1991-1999)
- Майоров Юрий Михайлович – к.м.н., доцент кафедры внутренних болезней МГМСУ
- Макельский Валентин Владимирович – к.м.н., главный терапевт Центрального клинического военного госпиталя ФСБ России
- Малова Мария Николаевна – д.м.н.
- Мартынов Анатолий Иванович (1937-2024) – д.м.н., профессор, академик РАН, заведующий кафедрой госпитальной терапии № 1 МГМСУ (1992-2007), президент РНМОТ (2012-2024)
- Матвеева Ирина Викторовна – к.м.н.
- Мдинарадзе Юрий Семенович – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии №1 ММСИ
- Миловидова Светлана Сергеевна – к.м.н.
- Мясников Леонид Александрович (1928-1974) – д.м.н., профессор
- Никифорова Алла Николаевна (1930-2017) – к.м.н., народный врач СССР
- Оганов Рафаэль Гегамович (1937-2020) – д.м.н., профессор, академик РАН, президент ВНОК (1999-2011), директор Института профилактической кар-

диологии Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР (1982-2011)

- Орлов Леонид Леонидович – д.м.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой внутренних болезней №2 ММСИ (1975-1999)
- Пархимович Ричард Мамертович (1939-2015) – к.м.н., руководитель отделения терапевтической эндокринологии МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского
- Пивоваров Валерий Алексеевич – к.м.н.
- Питенов Владимир Андреевич – к.м.н., главный терапевт ВМУ МВД России
- Раевская Галина Александровна (1900-1966) – д.м.н., профессор кафедры госпитальной терапии №1 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова
- Разумов Владимир Борисович – д.м.н., профессор
- Разумова Екатерина Титовна – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Ройтберг Григорий Ефимович – д.м.н., профессор, академик РАН, заслуженный врач РФ, президент АО «Медицина»
- Россельс Александр Наумович – к.м.н.
- Савенков Михаил Петрович – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой клинической функциональной диагностики ФДПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Савенков Петр Михайлович (1923-1998) – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии №1 РГМУ
- Сегаль Раиса Георгиевна – к.м.н.
- Сидоренко Борис Алексеевич – д.м.н., профессор, заместитель главного кардиолога ГМУ УДП РФ, заведующий кафедрой кардиологии Учебно-научного центра УДП РФ, научный руководитель ЦКБ УДП РФ
- Сидорский Алексей Леонидович – к.м.н., заместитель декана лечебного факультета 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова
- Синицын Петр Демьянович (1921-2004) – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой факультетской терапии Челябинского медицинского института (1970-1989)
- Соловьев Владислав Васильевич – к.м.н., профессор кафедры госпитальной терапии №1 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова
- Соломонова Людмила Николаевна (1926-...) – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии №2 РГМУ
- Теплова Наталья Николаевна – к.м.н., доцент кафедры госпитальной терапии им. академика П.Е. Лукомского РНИМУ им. Н.И. Пирогова
- Фомина Любовь Григорьевна (1923-2008) – д.м.н., профессор, заведующая кафедрой госпитальной терапии Челябинского медицинского института

- Харченко Виктор Иванович (1946-2011) – д.м.н., профессор, профессор кафедры кардиологии ФУВ РГМУ
- Щербаткин Дмитрий Дмитриевич (1943-1992) – к.м.н., генеральный директор Медицинского центра Управления делами Президента России
- Щербинина Наталия Ивановна – д.м.н., профессор, заведующая кафедрой госпитальной терапии №3 РГМУ
- Юрасов Владимир Сергеевич – д.м.н., доцент
- Яковлев Валентин Борисович – д.м.н., профессор

Ученики П.Е. Лукомского на III Всесоюзном съезде кардиологов (1979 год)

Слева направо: первый ряд – Ю.М. Кудисов, Р.Г. Оганов, В.В. Соловьев, В.А. Люсов, И.В. Виноградова, С.А. Королева, В.Е. Бунаева, А.Н. Бритов, В.С. Задионченко; второй ряд – М.П. Савенков, Б.А. Сидоренко, Н.А. Грацианский, А.А. Горбаченков, А.Н. Никифорова, И.В. Матвеева, Ю.Б. Белоусов, В.В. Макельский; третий ряд – А.В. Рудаков, Б.Я. Барт, Д.Д. Щербаткин, П.В. Казьмина, А.А. Александров, Р.М. Пархимович, В.Л. Доцицин, Е.М. Евсиков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.Н. ГРАЦИАНСКОЙ

Павел Евгеньевич не был женат и у него не было детей, так что прямых потомков нет, а самыми близкими людьми для него была племянница, дочь родной сестры – моя бабушка, Татьяна Владимировна Власова, и ее семья. Только бабушка называла Павла Евгеньевича «дядечка», все остальные – только Павел Евгеньевич или взрослые между собой – «проф».

Моего отца, Николая Андреевича Грацианского, все считали племянником Павла Евгеньевича, хотя на самом деле он был сыном его племянницы. Я думаю, что так сложилось с подачи самого Павла Евгеньевича. Я – дочь Николая Андреевича Грацианского, соответственно, родилась на закате жизни Павла Евгеньевича и собственных впечатлений о нем у меня немного. Поэтому, скорее, могу поделиться тем, что запомнила по рассказам родителей и бабушки. Время идет так быстро, в какой-то момент понимаешь, как мало тебе известно о семейной истории, а спросить теперь и не у кого – ни бабушки, ни папы уже с нами нет. Павел Евгеньевич похоронен на Новодевичьем кладбище, а с ним вместе и бабушка, и отец.

Последние годы моя бабушка с мужем, моим дедом Андреем Николаевичем Грацианским, и Павел Евгеньевич жили на одной лестничной клетке. Дом был, как говорили, «от Министерства здравоохранения». Академикам положена большая жилая площадь, но так как соответствующей квартиры в доме не нашлось, Павел Евгеньевич получил две небольшие квартиры в этом доме. В одной – жил он сам, в другой – моя бабушка с дедом, а меня родители часто привозили к ним.

Павел Евгеньевич родился на территории современной Польши, в местечке под названием «Суворовский штаб», наверное, сейчас это назвали бы воинской частью, по старому стилю 23 июля 1899 года в семье капитана 13-го Сибирского стрелкового полка Евгения Ивановича Лукомского. Мать Павла Евгеньевича Александра Александровна была учительницей, женщиной строгой (судя по рассказам уже моей бабушки – ее внучки) и красивой. Есть фотография Павла Евгеньевича с матерью, где в маленьком мальчике угадываются знакомые черты.

Что мы знаем точно, в 1903 году капитан Е.И. Лукомский еще числился в списках офицеров Суворовского штаба, но уже к 1909 году Лукомские несколько лет как переехали в Москву. Есть свидетельство, датированное 10 декабря 1909 года об окончании Павлом Евгеньевичем начального училища, где указано, что «Павел

А.Н. Грацианская

Евгеньевич Лукомский, православного исповедания, сын капитана 13-го Сибирского стрелкового полка, при отличном поведении за все время обучения на окончательных испытаниях в мае 1909 года получил следующие оценки: отлично по Закону Божию, отлично по русскому языку с объяснительным чтением, отлично по арифметике, отлично исполнил письменные работы».

До 1961 года семья жила в Москве в доме 14 по Садово-Триумфальной улице. Насколько я знаю, все родственники умерли достаточно рано, всего у Павла Евгеньевича было три сестры: Евгения, Елена и Татьяна. Татьяна

– мать моей бабушки (тоже Татьяны), моя прабабушка. К сожалению, про то, как протекало детство и юность Павла Евгеньевича, я больше ничего не знаю.

О дальнейшем обучении (до поступления в университет) я документов не нашла. Общеизвестно, что в 1923 году Павел Евгеньевич закончил медицинский факультет МГУ, потом остался там же в ординатуре на кафедре госпитальной терапии. Своими учителями Павел Евгеньевич считал Дмитрия Дмитриевича Плетнева и Дмитрия Александровича Бурмина, на их кафедре Павел Евгеньевич прошел путь от ассистента до профессора кафедры.

Во время войны в эвакуации Павел Евгеньевич заведовал кафедрой госпитальной терапии в Челябинском медицинском институте. Про Челябинский период жизни я из рассказов ничего, к сожалению, не помню. Мой папа умер относительно недавно, вот он бы многое мог рассказать. В Челябинске есть мемориальная доска на доме, где работал Павел Евгеньевич. У нас в семье сохранилось несколько тяжелых чугунных фигур каслинского литья, удивительно, как смогли привезти их из Челябинска. Огромные Мефистофель и Дон Кихот (фигуры высотой около метра). После смерти Павла Евгеньевича бабушка подарила эти фигуры моему папе. Все детство я помню эти фигуры в папином кабинете на столе: с одной стороны – Мефистофель, с другой – Дон Кихот.

Квартира Павла Евгеньевича была очень красивой, хозяйство вела домработница Марфа Федоровна – колоритная добрая женщина. В доме часто принимали

П.Е. Лукомский в кругу семьи. 1910-е гг.

Из семейного архива

гостей, сервировали большой стол в столовой. Еще передо мной картина: Павел Евгеньевич пьет чай из стакана в подстаканнике, никаких чашек. В детстве я считала, что из чашек пьют только женщины, что мужчины не пьют из чашек – это неприлично. Помню, что перед приходом гостей всегда считали, сколько придет мужчин и женщин, чтобы обязательно посчитать количество стаканов и чашек.

Павел Евгеньевич был, видимо, очень требовательным человеком, прежде всего к себе, и характер у него, судя по всему, был тяжелый. Мои родители познакомились в 59-й больнице, как это часто бывает, папа в аспирантуре, а мама, Галина

П.Е. Лукомский на отдыхе в Крыму

Ивановна, там работала медсестрой и училась в мединституте на вечернем. Мама рассказывала, что она прекрасно помнит, как Николай Андреевич, если считал, что сделал что-то не так, старался не попадаться на глаза Павлу Евгеньевичу, поскольку опасался навлечь на себя гнев профессора, который был к нему особенно строг, думаю, строже, чем к другим аспирантам. Мне-то, конечно, трудно представить, как мой отец, которому я сама иногда боялась попадаться на глаза, робел перед Павлом Евгеньевичем. Папа мне часто говорил: «Понимаешь, если мне все равно, то я кричать не буду. Кричат и ругают тех, кого хотят сделать лучше». Не уверена, что полностью разделяю это мнение, но в какой-то мере оно справедливо.

Все отмечали чувство юмора Павла Евгеньевича. Папа часто вспоминал, как Павел Евгеньевич посмотрел на него и сказал: «Эх, Коля, я вот молодой совсем как ты был... только я красивый был». Мама говорит, что Павел Евгеньевич всегда хорошо выглядел и красиво одевался. Считал, что врач должен хорошо выглядеть, а состоянию рук он уделял особое внимание, говорил, что у врача руки должны быть ухоженными.

Мой отец решил стать врачом, вдохновившись примером Павла Евгеньевича. Если посмотреть, чем занимались в медицине Павел Евгеньевич и Николай Андреевич, то преемственность однозначно прослеживается.

С кем дружил Павел Евгеньевич? Мама считает, что он был дружен с Е.М. Тареевым. Но, мне кажется, если у человека столько профессиональных достижений, то и вся жизнь «смешается» в профессиональную сторону. Трудно представить, как можно было столько всего уместить в одну жизнь, тем более что в те времена жизнь была более сложной в плане коммуникаций и получения информации. Думаю, что было, скорее, профессиональное общение. Есть много фотографий Павла Евгеньевича с известными в медицине личностями. В архиве я нашла много разных поздравительных открыток, даже от первых лиц государства.

Другие, не связанные с профессией, увлечения Павла Евгеньевича отражают библиотека классической литературы, книги по искусству, коллекция пластинок классической музыки. Основные мысли, которые посещали Павла Евгеньевича после прочтения книг, он записывал на карточках, у него была особая картотека. Павел Евгеньевич любил театр, судя по количеству оставшихся театральных программок. Из многочисленных поездок сохранились фотографии природы и архитектуры, которые Павел Евгеньевич делал сам, и огромное количество сувениров из разных стран.

Со мной, в ту пору ребенком четырех-шести лет, Павел Евгеньевич всегда разговаривал очень серьезно. Помню, что бабушка не допускала никакой фамильярности, никаких вольностей-шалостей в присутствии Павла Евгеньевича. Всегда надо было называть его Павел Евгеньевич, обращаться на Вы, и мне никогда не разрешалось говорить «проф». Вспоминаю случай, когда бабушка меня привела

В зарубежной поездке

к Павлу Евгеньевичу, мне было лет пять, Павел Евгеньевич вдруг говорит: «Аня, пойдем со мной, у меня есть для тебя подарок» и подарил тогда большую плюшевую собаку, но обычно меня привечала домработница Марфа Федоровна. Вообще, надо сказать, что все очень оберегали покой Павла Евгеньевича. Нельзя было докучать, ребенка, видимо, часто приводить было не принято. Под конец жизни Павел Евгеньевич тяжело болел, плохо себя чувствовал, но работал до последнего и умер, к сожалению, достаточно рано по современным меркам.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.И. МАРТЫНОВА

«Мой первый учитель в медицине»

Павла Евгеньевича Лукомского я впервые увидел на лекции студентом 5 курса лечебного факультета. Его разбор больного, анализ данных обследования, диагноз, лечение и прогноз были представлены столь логично и интересно, что я сразу принял решение стать членом студенческого научного кружка на этой кафедре, которым руководил доцент Владислав Васильевич Соловьев. Я старался не пропускать ни одного заседания, и это была моя первая школа формирования клинического мышления.

Павел Евгеньевич был очень загружен. В эти

А.И. Мартынов

годы он был не только заведующим кафедрой, членом ученого совета института, но и являлся главным редактором журнала «Кардиология», главным кардиологом 4-го Главного управления при МЗ СССР, часто выезжал за рубеж, чтобы участвовать в лечении руководителей государств Европы и Африки. Несмотря на это, он находил время бывать на заседаниях студенческого научного кружка и рассказывал много интересного. Особое впечатление в моей памяти оставили его лекции. Он их готовил тщательно, с привлечением ординаторов. Это тоже была школа.

Институт я закончил с красным дипломом, и это давало мне право выбирать кафедру, где я мог продолжить обучение. Я выбрал, конечно, кафедру П.Е. Лукомского. В этот период я еще больше познакомился с методологией подготовки к лекции для студентов. Павел Евгеньевич тщательно выбирал сложного больного, чтобы научить студентов дифференциальному диагнозу. Лекции он читал только с демонстрацией больного и просил студентов участвовать в осмотре и задавать пациенту вопросы. Затем шел осмотр с привлечением одного-двух студентов и больного отпускали. На доске были выписаны результаты лабораторных и инструментальных методов исследования. Лекции всегда воспринимались аудиторией с большим интересом. Зал был полон. Всегда присутствовали все преподаватели, аспиранты и ординаторы. Несколько позже с помощью Б.А. Сидоренко они были изданы и сразу раскуплены.

Павел Евгеньевич, когда у него было время, проводил с ординаторами обходы в отделениях. Это были фактически микролекции, здесь мы учились осматривать больного и делать записи в истории болезни, где отражалось самое главное.

Павел Евгеньевич уделял большое внимание ежемесячным кафедральным совещаниям, на которых кроме заслушивания отчетов, принятия решений по организационным вопросам обязательно был научный доклад ординатора или аспиранта. Часто оппонентом на этих докладах выступала прекрасный клиницист, профессор Вера Ивановна Бобкова. Так было и с моим докладом, тема которого стала темой моей кандидатской диссертации. Научным руководителем диссертации был Павел Евгеньевич. Работу над диссертацией я начал в ординатуре, а завершил в аспирантуре. Павел Евгеньевич всегда тщательно прорабатывал наши статьи перед отправкой в журнал и почти всегда отказывался от соавторства. Диссертации Павел Евгеньевич читал неоднократно и делал очень важные правки. Обсуждение работы проходило доброжелательно, но строго. Работа могла обсуждаться не только на кафедре, но и у него дома. Павел Евгеньевич был очень гостеприимным, а его помощница по дому Марфа вкусно кормила гостя. После защиты Павел Евгеньевич всегда был на товарищеском ужине и очень тепло говорил о защитившемся.

На кафедре был очень трудолюбивый и дружный коллектив. Не было ни дрязг, ни ссор, ни скандалов. Этому во многом способствовали ближайшие помощники руководителя: В.В. Соловьев, П.М. Савенков, Л.Л. Орлов, Е.И. Жаров и др. После аспирантуры я продолжил работу на кафедре ассистентом. Павел Евгеньевич

П.Е. Лукомский на банкете в честь защиты А.И. Мартынова
(крайний справа) и Н.Н. Тепловой (в центре). 1970 г.

несколько раз посещал мои занятия и делал замечания, которые были очень важны для молодого ассистента.

Прошло время, меня пригласили в Московский медико-стоматологический институт работать в качестве доцента на вновь открывшемся лечебном факультете. Перед подачей документов на новое рабочее место у меня состоялся очень теплый разговор с Павлом Евгеньевичем. Он сказал, что не хочет мешать моему продвижению и даст хорошую характеристику. В разговоре он дал мне совет, который я запомнил навсегда и следовал ему. Он сказал: «У вас впереди вся жизнь и может быть много разных предложений продолжить работу на разных должностях. Но я советую не оставлять работу на кафедре, хотя бы на неполную ставку, и не терять связь с клинической медициной. Это бесценный багаж, и его растрачивать не следует». Так в моей судьбе и получилось, как предвидел Павел Евгеньевич.

Я благодарен судьбе, что она подарила мне годы общения с великим учителем, клиницистом и человеком. Эту благодарность я пронес через всю свою жизнь. Каждый год 8 апреля мы собираемся у могилы Павла Евгеньевича на Новодевичьем кладбище, говорим ему слова благодарности.

«Пусть земля ему будет пухом!»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Б.Я. БАРТА

Работая с Павлом Евгеньевичем в течение многих лет, мне посчастливилось увидеть его в разных жизненных ситуациях: в клинике при консультации тяжелых и не всегда ясных больных, причем не только с коронарной патологией, но и с многочисленной другой патологией, при чтении лекций студентам и врачам.

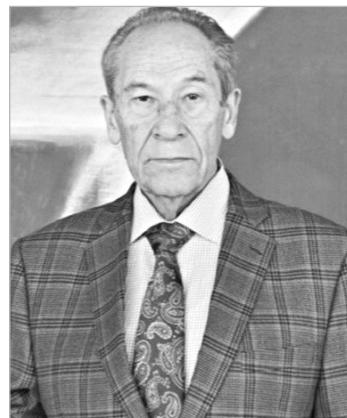
Начну с того, как я оказался на кафедре госпитальной терапии 2-го МОЛГМИ. Получилось так, что на 5-6 курсе я стал регулярно ходить на заседания студенческого научного кружка на этой кафедре и на вечерние клинические разборы больных, которые проводил П.Е. Лукомский. Эти посещения произвели на меня неизгладимое впечатление и происходили вплоть до окончания института. Незадолго до этого мне позвонил сотрудник кафедры, тогда это был еще ассистент Савенков Петр Михайлович, и сказал, что со мной хочет встретиться Павел Евгеньевич.

Встретив меня, П.Е. Лукомский задал мне вопрос: куда бы я хотел распределиться и где хотел бы работать после окончания института? Я, не задумываясь, несмело сказал: «Куда пошлет Родина». На что он шутливо ответил: «Не будете ли возражать, если Родина пошлет вас на кафедру госпитальной терапии, и что этот вопрос уже согласован с руководством института?».

Все, кто близко не знал Павла Евгеньевича или не работал с ним, думали, что он угрюмый, малоразговорчивый человек, но это было совсем не так. Несмотря на свою внешнюю суровость, он всегда помогал своим сотрудникам, особенно молодым.

П.Е. Лукомский. 1960-е гг.

Б.Я. Барт

Самое большое внимание П.Е. Лукомский уделял аспирантам и соискателям, работающим над своими диссертациями. Он всегда спрашивал: «Чего вам не хватает?», а в те годы было такое, что у некоторых аспирантов не хватало каких-либо химических реактивов для выполнения лабораторных исследований, что, безусловно, удлиняло сроки написания диссертации. Зная об этом, Павел Евгеньевич, бывая за рубежом, покупал за свои деньги необходимые реактивы. Все выполняемые на кафедре диссертационные работы под его руководством он обязательно читал сам и очень внимательно, вникая во многие мелочи, которые не замечали сами исполнители. Он также помогал им в

выборе их оппонентов, лично созванивался с ними, и я не помню ни одного случая, чтобы какой-то профессор или академик отказал ему в этом.

Встреча аспирантов с П.Е. Лукомским часто проходила у него дома в вечерние часы. Как правило, он приглашал к себе по два человека, при этом после окончания работы с диссертациями угождал ужином, приготовленным его помощницей. Еще один факт, связанный с приездом аспирантов к Павлу Евгеньевичу домой: в поздние часы, когда уже не работал общественный транспорт, он каждому из нас давал по 3 рубля на обратную дорогу на такси.

О характере Павла Евгеньевича и его отношении к сотрудникам можно судить и по ряду других случаев. Так, в 1966 году поступила в клиническую ординатуру на кафедру Екатерина Титовна Разумова, приехавшая в Москву и временно остановившаяся у своих родственников. Ей нужна была постоянная квартира и прописка в Москве. Один из учеников Лукомского рассказал ему об этом. Несмотря на свою постоянную занятость, Павел Евгеньевич взял ее документы, и они вместе поехали в Моссовет. Там его очень хорошо встретили и отправили к чиновнику, который занимался «жилищными» вопросами. Через 30-40 минут Екатерине Титовне вручили документы – разрешение на покупку квартиры в Москве и постоянную прописку.

Так получилось, что в тот период времени моей учебы в ординатуре у меня уже была запланирована кандидатская диссертация и активно продолжалась научно-преподавательская деятельность. В один из дней мне позвонили из отдела кадров и сообщили, что я срочно должен явиться в Министерство здравоохранения к определенному чиновнику, который сразу начал с того, что в министерстве есть мнение о досрочном отзыве меня из ординатуры на работу инспектором в какой-то город России. Я вышел из его кабинета и связался по телефону с Лукомским. Он очень быстро приехал в Минздрав, сразу прошел в кабинет заместителя министра здравоохранения и попросил его издать приказ о досрочном отчислении меня из клинической ординатуры и назначении исполняющим обязанности ассистента кафедры. Для меня это было очень неожиданно и приятно. Павел Евгеньевич привозил для меня лекарства из-за рубежа, которых не было в стране, когда я болел арахноидитом, организовывал консультации неврологов. Человек, действительно, необычный, отзывчивый, постоянно помогал своим ученикам.

Еще одна черта, свойственная П.Е. Лукомскому, – это тщательная подготовка больных к демонстрации их на лекциях и клинических разборах. За несколько дней до этого он приходил к больным и очень скрупулезно собирал анамнез заболевания, анамнез жизни, знакомился с данными лабораторных и инструментальных исследований, проводимой терапией. Павел Евгеньевич был блестящим клиницистом, все его лекции сопровождались демонстрацией больных. Без «живых примеров» он никогда не читал лекции. Если больной лежачий – привозили на кровати. Точно также он готовился к клиническим разборам. Кроме того, он ежедневно осматривал

больных – тяжелых и неясных в диагностическом отношении, которые обследовались и лечились в ГКБ №59 на базе кафедры госпитальной терапии. Поскольку П.Е. Лукомский был «кремлевским врачом», то его достаточно часто вызывали на консилиумы в больницу 4-го Главного управления.

Несмотря на то, что Павел Евгеньевич был академиком и прекрасным клиницистом, в отдельных случаях он приглашал в клинику на консультации других специалистов, в частности, академиков Билибина Александра Федоровича (заведующий кафедрой инфекционных болезней нашего университета), Кассирского Иосифа Абрамовича (гематолог, работавший в то время в Институте усовершенствования врачей), Тареева Евгения Михайловича. Присутствие на этих консилиумах было хорошей школой для врачей как госпитальной, так и амбулаторной сферы.

Следует отметить крепкую дружбу П.Е. Лукомского с академиками Е.М. Тареевым, Е.И. Чазовым, Н.Н. Кившидзе и некоторыми другими.

Став заведующим кафедрой госпитальной терапии в нашем институте, он сформировал новый трудоспособный коллектив. Почти все сотрудники кафедры прошли путь: студент – студенческий научный кружок – клиническая ординатура – аспирантура – ассистент кафедры и т.д.

Заинтересованность Павла Евгеньевича в воспитании достойной смены врачей проявилась и в том, что он завещал часть своих сбережений для премирования молодых ученых нашего института. На протяжении многих лет именная премия вручается победителям конкурса научных работ молодых кардиологов и интернистов. Это происходит в рамках ежегодной Пироговской конференции среди участников по кардиологии и терапии по решению коллегии в качестве отдельной премии.

О работе в «кремлевской» больнице П.Е. Лукомского никто никогда не расспрашивал. О своей нелегкой продолжительной работе, особенно во время заболевания Иосифа Виссарионовича Сталина, Павел Евгеньевич рассказал нам только много лет спустя после смерти вождя всех народов. Из его рассказа мы поняли, что каждый вызов в эту больницу мог закончиться для него арестом, поэтому у него был приготовлен небольшой саквояж с одеждой, который он брал с собой. Слава Богу, этого не случилось. Он продолжал работать консультантом этой больницы до конца своих дней.

Среди других знаменитых пациентов Лукомского были артист А.И. Райкин, министр культуры Е.А. Фурсова, член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян.

У своего Учителя я очень многое перенял. Так же, как и он, любил и люблю читать лекции студентам и врачам, проводить клинические разборы для них, консультировать больных в клинике и поликлиниках.

Считаю необходимым отметить издание в 1973 году книги «Клинические лекции по кардиологии». В ее основе – лекции, прочитанные Павлом Евгеньевичем Лукомским в последние годы в клинике для студентов 5-6 курсов. В подготовке этой книги помогали и сотрудники кафедры – профессора В.А. Люсов и Б.А. Сидоренко, доцент

60-летие П.Е. Лукомского. По центру – П.Е. Лукомский, справа – Б.Я. Барт. Также на фото асс. Зайцев, орд. А.Н. Бритов, орд. Сукасова, верхний ряд – научные сотрудники кафедры. 1959 г.

Б.Я. Барт. Тираж был большой – 15 000 экземпляров, но он очень быстро разошелся. Каждая лекция в данном руководстве сопровождалась клиническими примерами.

Касаемо личной жизни, никто не может сказать точно, была ли у Павла Евгеньевича супруга. Была «приходящая», жила с ним много лет, готовила ужины.

О неформальных встречах вне работы... Был один сотрудник кафедры – Анатолий Николаевич Бритов, нас взяли с ним на кафедру одновременно. Однажды он пригласил меня с супругой и Павла Евгеньевича в гости. Лукомский сделал ему хороший подарок – чайный сервиз, который до сих пор хранит супруга А.Н. Бритова.

Павел Евгеньевич часто отдыхал в Барвихе, любил приглашать нас по два человека, иногда заказывал обеды... Очень любил слушать анекдоты от нас молодых. А на работе он был строгим, его все боялись... мог накричать. Но мы уже его хорошо знали: если был кто-то неправ, он говорил: «Позовите мне его», мы приходили, извинялись. Это был, конечно, Человек, действительно, Учитель. А Учителями Павла Евгеньевича, в свою очередь, были: Плетнев Дмитрий Дмитриевич, Бурмин Дмитрий Александрович и Тареев Евгений Михайлович.

60-летие П.Е. Лукомского отмечали на Новом Арбате, в здании Совета экономической взаимопомощи, это только с разрешения Моссовета, больше никто не имел права выдавать разрешение на проведение таких мероприятий.

...Прошло 50 лет со дня смерти Павла Евгеньевича, но каждый год в этот день работавшие с ним или продолжающие работу на его кафедре собираются на

Новодевичьем кладбище, где он похоронен. Что же приводит сюда всех этих людей? Прежде всего любовь и глубокое уважение к человеку, личность и дела которого во многом определили содержание их жизни, направление научных интересов. Очевидно, все они принадлежат к единой научной школе Павла Евгеньевича. В памяти всех, приходящих сюда, он остается Учителем с большой буквы.

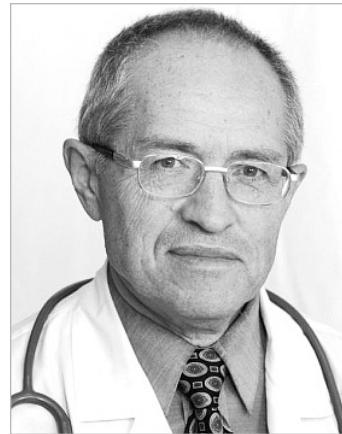
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.Л. ДОЩИЦИНА

Про семью П.Е. Лукомского мне почти ничего не известно. Когда я в 1965 году поступил в ординатуру на его кафедру, он уже был в летах. С внучатым племянником Павла Евгеньевича, Н.А. Грацианским, мы учились на одном курсе, а потом вместе работали...

После окончания медицинского факультета Московского университета Лукомский работал в госпитальной терапевтической клинике под руководством профессора Д.Д. Плетнева, которого он считал своим учителем. Наверное, в дальнейшем и свою работу, и работу своей кафедры Павел Евгеньевич организовывал по подобию учительской. Здесь было в первую очередь высокое чувство ответственности, которое он постоянно проявлял и требовал того же от сотрудников и учеников. Приоритет рабочих интересов над личными. К своему племяннику, кстати, он относился даже более строго, чем к другим ученикам. И было не важно, что у кого-то свадьба или какие-то еще дела. Главное – делай то, что нужно и тогда ты будешь соответствовать. Это способствовало тому, что у Лукомского был абсолютно непререкаемый авторитет для всех, даже других заведующих. Очень высокий рейтинг у него всегда был, у нашего Учителя.

Помню случай из врачебной практики с участием П.Е. Лукомского.

... В новогоднюю ночь 1967 года мне было поручено дежурить по блоку интенсивной терапии кардиологического отделения клинической больницы №59, на базе которой работала наша кафедра. И в эту ночь в больнице возник пожар, в тушении которого приняли участие несколько пожарных расчетов. В это же время в блок интенсивной терапии больных поступила больная 57 лет с острым инфарктом миокарда, осложненным фибрилляцией желудочков. Остановка кровообращения потребовала реанимационных мероприятий: массаж сердца, электрической дефибрилляции и др. Павел Евгеньевич, экстренно приехавший в клинику, в первую очередь стал оказывать помощь больной, которой удалось восстановить сердечную

В.Л. Дощицин

П.Е. Лукомский. 1960-е гг.

деятельность. Это был один из первых случаев успешной реанимации при остановке кровообращения у больной инфарктом миокарда, что дало импульс для развития большого направления работ по лечению пациентов с нарушениями ритма сердца.

Сотрудников он, кстати, сам выбирал, начиная со студенческой скамьи. Он ставил перед собой основную задачу отобрать студентов, кто хотя бы раз-два посетил терапевтический кружок. Кто поступал в кружок, того сразу пытались завлечь какой-то темой, чтобы это реализовывалось в докладах.

П.Е. Лукомский организовывал студенческие конференции. Пусть даже всего из нескольких докладов, когда студенты выступали со своими результатами перед членами кружка. Он там регулярно бывал и обязательно комментировал. Многие из этих студенческих работ были опубликованы в печати. Павел Евгеньевич был главным редактором журнала «Кардиология» в течение многих лет. Результаты научных исследований его учеников публиковались именно в этом журнале. Подавляющее большинство тех, кто хоть как-то был задействован в студенческом кружке, шли в ординатуру или аспирантуру. И из них же отбирались сотрудники кафедры – как бы одна лестница. Любимчиков среди сотрудников он не выделял, всегда и ото всех требовал добросовестного отношения к работе.

Его должность (заведующий кафедрой) подразумевала необходимость чтения лекций, разбора больных и требовала обязательной ежедневной работы с наиболее тяжелыми, трудными пациентами. Если у кого-то возникал вопрос, вызывающий затруднение, то обращались к его ученикам, а через них к нему. Он шел, разбирал пациента при большом скоплении врачей.

В отношениях с пациентами не принято выражать какие-то личные симпатии. Основное – это внимание к проблемам больного, при этом и анамнез жизни, и родственники, и проблемы какие-то бытовые обязательно им учитывались, по мере возможности он старался на них воздействовать. Пациенты были благодарны ему, вплоть до того, что писали в газету благодарность и Лукомскому, и его ученикам. Конечно, без конфликтных ситуаций не бывает, но он умел их урегулировать, чтобы в конечном итоге пациент не чувствовал, что ему что-то недодали или недоделали.

Основной лейтмотив в его отношениях с сотрудниками: если ты находишься здесь, работаешь, ты должен все, что можешь, сделать в интересах пациента. И вот если этого нет, то он мог даже на весь коридор послать (*прим. дословно*) провинившегося

сотрудника, то есть был очень жесткий и резкий. Воспитывал людей. В его присутствии никто не выпячивал какие-то свои черты характера или внешние данные. Все понимали, кто перед ними, что он значит и что может. Свое отношение к работе он передавал и того же требовал от сотрудников, у кого не получалось – те оставляли это сотрудничество. Были те, кто стремился получить больше, но это не получилось: люди уходили из-за того, что у них не получалось добиться того, что, как им казалось, они должны иметь. Были такие. Он не давал возможности им получать то, что, с его точки зрения, они не заслуживают. Но мстительным и суровым он не был. По-настоящему человечный человек, редкое качество.

У П.Е. Лукомского не так много наград: Герой Социалистического Труда, однако в то время это было очень высокое звание, хотя все понимали, что он заслуживает значительно большего. Не за награды он работал.

У него был огромный авторитет и среди зарубежных коллег. Постоянно к нему приезжали иностранцы, чтобы какие-то их интересы находили отражение в работах кафедры. Были контракты с иностранными специалистами.

В свою очередь, какое-то значимое мероприятие международного уровня обязательно освещалось на заседании кафедры, в печати и на лекциях. Его ученики подхватывали новейшие направления, поэтому его коллектив, сравнительно небольшой, находился в первых рядах. П.Е. Лукомский был как светоч.

Кафедра была терапевтическая, и Павел Евгеньевич выбрал кардиологию как основной раздел терапии. Самые частые болезни по смертности – сердечно-сосудистые, отсюда и все лечебное направление. Кстати, одно из основных направлений – изучение новых лекарств. Когда я приходил в ординатуру при-

П.Е. Лукомский за работой.
Начало 1970-х гг.

П.Е. Лукомский
с зарубежными коллегами

менялся десяток лекарств, причем не самых эффективных, как потом оказалось. И вот при нем развилось направление, где, как из рога изобилия, появились новые лекарства и люди, которые их изучали. Применение новых лекарственных средств было одним из самых крупных достижений в его деятельности.

К сожалению, вести здоровый образ жизни у П.Е. Лукомского не получалось. Болезнь очень сильно ограничивала его физическую дееспособность, поэтому что мог, он делал: писал, редактировал, работал с учениками.

Своей семьи у Павла Евгеньевича не было, он полностью отдавал себя работе. Его детьми были его ученики.

Портрет П.Е. Лукомского висит у меня рядом с портретом отца и матери. В душевном плане он мне близкий родственник.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е.Т. РАЗУМОВОЙ

Павел Евгеньевич – выдающийся ученый, создавший свою школу, и уникальный человек, к которому вот уже 50 лет в день памяти приходят его ученики со всей Москвы. Академики, профессора, доценты и ученики его учеников. Что движет солнце и светила, как не любовь! Строгий, справедливый и с любовью относящийся к своим ученикам. Так, может быть, относился к своим ученикам Иисус Христос.

Первая моя встреча с П.Е. Лукомским произошла, когда я пришла с направлением из Минздрава в ординатуру:

– Сегодня я читаю лекцию, приходите завтра.

Приглашения на лекцию не последовало. Я расспросила окружающих, как пройти в лекционный зал. Усевшись на первый ряд, сразу почувствовала: наконец-то я дома...

Первый же вопрос от него на следующий день:

– Как вам лекция?

Лекции были всегда содержательны, доступны, с хорошим изложением материала. Но, главное, всегда с демонстрацией больного по теме лекции. Больных для лекций находили по всей Москве – в клинике Е.М. Тареева, институте эндокринологии. Обычно за подбор больных отвечала заведующая учебной частью (правая рука Павла Евгеньевича) – Полина Васильевна Казьмина. Она брала с собой и меня. Когда больной был выбран, она оставляла меня сделать выписку для лекции. Такие поездки были увлекательны и полезны и служили в дальней-

Е.Т. Разумова

шем для установления контактов при необходимости консультации своих больных. С клиникой Евгения Михайловича Тареева у нашей кафедры всегда были хорошие, тесные контакты. Уже со своими студентами при изучении коллагенозов, болезней почек, печени мы обязательно отправлялись к ним, и всегда нам старались показать наиболее сложных, интересных и наглядных больных. С клиникой Е.М. Тареева нас связывали и первые олимпиады студентов, участвовавших в них с большим интересом. Жена Евгения Михайловича, Галина Александровна Раевская, работала у П.Е Лукомского.

Как-то на лекции Павел Евгеньевич сказал: «Студента нужно влюблять (улыбки у сидящих в зале молодых преподавателей), да не в себя, а в терапию!»

Совсем грустная история произошла на последней в его жизни лекции. Студент разговором с соседом отвлек Павла Евгеньевича. Он со свойственной ему эмоциональностью сделал замечание и уже не смог продолжить из-за резкого ухудшения самочувствия.

П.Е. Лукомский изучал инфаркт миокарда и сам пострадал от него со всеми осложнениями: от фибрилляции желудочков до аневризмы сердца и тромбоэмболии легочной артерии.

Павел Евгеньевич для меня – это благородство, порядочность, честность. Благородство во всем, во внешнем облике, в делах, в отношении к людям. Два-три дня хватало, чтобы расстаться с сотрудником, если обнаруживались его непорядочные поступки или недобросовестное отношение к работе, которое могло навредить больному. Пусть даже это будет доцент, ассистент или совместитель реаниматолог. И, напротив, не мог привлекаться к работе «свободный», закончивший аспирантуру, но еще не успевший трудоустроиться человек. Вершина благородства Павла Евгеньевича по отношению ко мне – его вопрос в беседе с Б.А. Сидоренко: «Как будем устраивать ее?». (Без моей просьбы или ходатайства!!!) Далее – поездка к заместителю председателя Мосгорисполкома А.К. Мельниченко для разрешения прописки в Москве. А затем просьба Павла Евгеньевича к хозяйственнику АМН СССР (я была аспирантом в академической группе Лукомского) о продлении прописки на один год после окончания аспирантуры в общежитии АМН.

Уважительное отношение к людям любого ранга. Когда отмечали какие-то праздники, не начинали, пока не придет уборщица!!!

П.Е. Лукомский.
Конец 1960-х гг.

В любое время суток он был доступен, если возникала необходимость проконсультировать сложного пациента (в полночь приехал консультировать Аркадия Райкина, поступившего по дежурству).

Мы жили за Павлом Евгеньевичем, как за стеной, как у Христа за пазухой. Чтобы напечатать статью, никому не было преград. Никто не мог притеснить никого из нас. Когда у Павла Евгеньевича случился инфаркт, мы очень переживали за его здоровье.

Он любил цветы. Трогательно сообщал потом: «Стоят, живы, я их поливаю». Иногда спрашивал: «Где вы их берете?» И однажды, посмотрев на розы, которые мне подарили студенты по случаю окончания цикла, произнес: «Красивы до неприличия!»

И напоследок. У меня было по отношению к нему одно доброе дело в жизни. Это посещение Павла Евгеньевича, когда он находился в Центральной клинической больнице 4-го Главного управления с очередным ухудшением. Это была наша последняя встреча.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.Н. ТЕПЛОВОЙ

Всю жизнь, 60 лет, я проработала на кафедре Павла Евгеньевича. Под его руководством – до апреля 1974 года, когда П.Е. Лукомского не стало. Это были лучшие годы моей жизни. Основной базой была 59-я ГКБ. На базе 2-го кардиологического отделения в 1967 году был организован первый в Москве блок интенсивной терапии (БИТ), где круглосуточно дежурили кардиолог и два анестезиолога-реаниматолога. Поступали больные ОИМ, кардиогенным шоком. Рабочий день начинался в 9 утра с утренней конференции, которую проводил Павел Евгеньевич. С разбором поступивших и умерших больных. Затем он делал обход в палате БИТ, а также терапевтическом и кардиологическом отделениях.

П.Е. Лукомский был врачом широкого профиля. В 1972 году в Новосибирске проходила конференция: «Неотложные состояния в клинике внутренних болезней». Делал доклад Е.М. Тареев. Это был клинический случай больного – заведующего кафедрой психиатрии академика О.В. Кербикова, которому стало плохо на лекции. Его отвезли домой, где собралась для консультации вся профессура нашего института. Приехал и Павел Евгеньевич прочитать кардиограмму. Войдя в комнату, он сразу сказал: «От больного пахнет ацетоном, сахарный диабет». Диагноз оказался верным. Павел Евгеньевич Лукомский был великим клиницистом.

Н.Н. Теплова

Павел Евгеньевич возглавлял кафедру госпитальной терапии. Учились на этой кафедре студенты 5-6 курсов. По его инициативе проводились совместные разборы больных, в том числе с академиком И.А. Кассирским. Студенты смотрели больных острым лейкозом, с бластным кризом, хроническим миелолейкозом. Глубокие разборы (нефрологические – с Н.А. Лопаткиным, хирургические – с В.С. Маятом, а также с заведующей кафедрой фтизиатрии И.Е. Кочновой) формировали у студентов клиническое мышление. Думаю, что основные работы Лукомского – это работы по инфаркту миокарда, нарушениям ритма. Необыкновенно сильная была кафедра, каждый раздел очень важный и возглавлялся достойными людьми. Как-то приехал какой-то японский доктор с километровыми пленками ЭКГ. Павел Евгеньевич сразу вызвал Доцицина. Пока тот шел, Лукомский сказал: «Сейчас мы с доктором будем разбираться, он лучше меня познал ЭКГ!»

У нас на кафедре впервые применили тромболитик – стрептокиназу. Я помню слова Павла Евгеньевича: «Безусловно, на ЭКГ видна почасовая динамика инфаркта миокарда, но она будет и без тромболитика. Однако предсказать, что произошел тромболизис, мы не можем. А сможем мы это сделать только тогда, когда будем вводить тромболитик интракоронарно». Тогда коронарографии еще не было.

К Лукомскому часто приезжали зарубежные коллеги. Приехал американский кардиолог Бернард Лаун. Он зашел с Павлом Евгеньевичем в операционную блока интенсивной терапии. На столе лежала больная бронхиальной астмой. У нее был *status asthmaticus* и произошла остановка сердца. Лаун сразу начал участвовать в реанимационных мероприятиях. Восстановили синусовый ритм, больная была выписана на 35 день болезни.

Мы жили за Лукомским, как за каменной стеной. Очень часто были конференции. Мы всегда старались выступить достойно, потому что мы – ученики Павла Евгеньевича. У меня было много докладов с Н.А. Грацианским, он занимался инфарктом миокарда. Если мы случайно поступали бес tactно, П.Е. Лукомский ругал нас, но все равно прощал. Для каждого из нас он сделал очень многое. А.И. Мартынов и Р.Г. Оганов стали академиками. Всех вырастил наш профессор.

В 1970 году в Ленинграде проходила конференция по лечению больных инфарктом миокарда. От нашей кафедры выступали мы с Н.А. Грацианским. После выступления Е.И. Чазов сказал, что может быть оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, которая была первой работой по состоянию КЩС при инфаркте. Когда я сказала об этом предложении Чазова Павлу Евгеньевичу, он показал «небо в алмазах», отругал. Тогда я не поняла почему, но было за что – за дело. Я на всю жизнь запомнила, что не имела права выбирать оппонента: это не мой уровень, только сам Лукомский и Чазов могли вместе решить этот вопрос.

П.Е. Лукомский перед банкетом по поводу защиты
Н.Н. Тепловой (слева) и А.И. Мартынова (в центре). 1970 г.

Евгений Иванович в итоге был оппонентом на защите, но только с позволения Павла Евгеньевича.

Однажды он чуть не выгнал меня с кафедры. Была конференция, совместная с институтом профилактической кардиологии, Мясниковским институтом. Возглавлял его потом в течение многих лет академик Р.Г. Оганов. Кстати, когда у Лукомского произошла фибрилляция желудочков, именно Оганов, оказавшийся рядом в лаборантской, взял его на руки, отнес в блок интенсивной терапии и сделал дефибрилляцию. П.Е. Лукомский очень долго задерживался на кафедре, много работал. И после дефибрилляции ему сказали: «Нельзя же так, Павел Евгеньевич! Это у вас гипогликемия, надо покушать!» Так вот, о конференции. Обычно по рабочим субботам он проверял у участников доклады и слайды. Для меня выступить на этой конференции было очень важно, поскольку это была первая работа в Советском Союзе. А слайды не были готовы, чтобы показать их в субботу, а я побоялась сказать об этом. Ушла и думаю: в понедельник я хорошо выступлю, и Павел Евгеньевич будет доволен, что все у меня готово. Но не тут-то было. В воскресенье звонок, и такой «разгон»! Я думала, что он выгонит меня с кафедры. Он мне сказал, что обо мне думает: «Такая честь работать на кафедре, а вы так!!!» Это я запомнила на всю жизнь. 35 лет я была заведующей учебной частью кафедры.

Большую часть времени уже при ученике Павла Евгеньевича, профессоре В.А. Люсове.

Друзей он любил. Е.М. Тареев был его самым большим другом. Был и Е.И. Чазов, хотя больше как ученик. Но с нами Лукомский был «застегнут на все пуговицы». Чазов мог со мной и пошутить, общался как со своим ординатором. А Павел Евгеньевич – нет, он не такой.

Еще П.Е. Лукомский был очень аккуратный. Одет с иголочки. Когда он читал лекции, если он вынимал платок, это был огромный платок, батистовый, красивый!

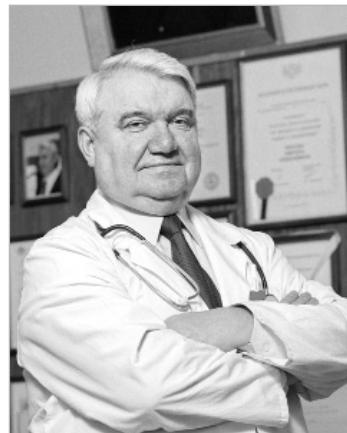
Основной чертой характера Павла Евгеньевича была требовательность – в первую очередь к себе. Он до последних дней занимался немецким языком! Был очень работоспособный.

Вот вам пример: у нас в БИТе лежал пациент, 40 лет, с инфарктом миокарда. Мы все выдыхали, когда в 12 ночи Павел Евгеньевич спускался в приемное отделение. Там его перехватили родители этого больного, очень просили помочь. Лукомский разделся, поднялся на 5 этаж и проконсультировал его, после чего он мог поехать домой, но не сделал этого. Другому больному нужен был японский препарат. В любую фирму Павел Евгеньевич обращался, и ему никогда не отказывали. Делал он все бескорыстно. Он всю Москву перевернет, но сделает для больного все.

Хотелось бы быть похожим на него, хотя бы в чем-то. Мы старались к больным относиться так, как относился он: для больного – все!

П.Е. Лукомский был скрытным человеком. Он не распространялся о своем участии в лечении Сталина. Известно, что, когда все произошло, Н.К. Боголепов и Павел Евгеньевич поехали на ближнюю дачу Сталина. Сталин был гипертоником, и у него произошел инсульт и инфаркт с тяжелым кардиогенным шоком. Лукомский даже в статьях писал «больной С.». Когда Сталин потерял сознание, была рвота кофейной гущей. Диагноз был поставлен правильно.

Как-то Павел Евгеньевич пригласил нас к себе уже после инфаркта. И представьте, он не знал, чем нас угостить и куда посадить – так переживал. Сказал помощнице: «Неси борщ, не перекипяти, чтобы он не потерял цвет!» Очень волновался. А у меня были билеты в театр, я тогда ушла пораньше. Он провожал меня в коридоре и сказал: «Конечно, что вам с нами, стариками, делать...». Если бы можно было вернуть время назад, я бы не ушла, очень жалею: была молода и глупа!

В.А. Люсов

Г.Е. Ройтберг

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г.Е. РОЙТБЕРГА

Я был в студенческом кружке, на 5-6 курсе много времени проводил на кафедре П.Е. Лукомского, у меня были печатные работы еще во время учебы в институте. Сотрудники кафедры, особенно Оганов Рафаэль Гегамович, Белоусов Юрий Борисович, Барт Борис Яковлевич, Разумова Екатерина Титовна – все хорошо ко мне и друг к другу относились. В конце 1973 года на 6 курсе в субординатуре председатель парткома института сказал, что для меня места в ординатуру на кафедре нет. Тогда Р.Г. Оганов предложил пойти к Павлу Евгеньевичу. Лукомский меня выслушал, взял лист бумаги и написал: «...ректору 2-го МОЛГМИ, академику

Лопухину, заявление: прошу освободить меня от обязанности подбора клинических ординаторов и возложить эту функцию на партком». Спустя несколько дней меня вызывают к Лопухину, выдают листок и говорят: «Вот вам направление, идите на кафедру и оформляйтесь в ординатуру». Поэтому могу сказать, что очень обязан Павлу Евгеньевичу. Без него в ординатуру я бы не попал.

А я мечтал об этом, читал все книги по кардиологии, которые тогда были, в том числе опубликованные лекции Павла Евгеньевича. Очень интересны были разборы пациентов. Хорошо запомнился случай мальчика, 14-15 лет. Он был в ЦКБ, потом переведен в кардиореанимацию в ГКБ №59. У него было постоянно высокое АД, никто не мог понять причину. Павел Евгеньевич говорит: «Разденьте его». Я только потом понял величие его решений. Это как в матче на звание чемпиона мира по шахматам между Карповым и Каспаровым. Каспаров делает ход, весь зал молчит – не понимает... И только минут через пять раздаются аплодисменты, люди начинали понимать. Здесь то же самое, только через годы понимаешь, почему Павел Евгеньевич принимал такие решения. Он посмотрел на мальчика: верх тулowiща был волосатый, а ноги были без волос, худые-худые. Павел Евгеньевич сразу понял, что это, и спросил: «Ну и что сейчас надо сделать?». Я не знал, что это за болезнь, но знал, что нужно измерить АД на ногах. Павел Евгеньевич был изумлен, спросил, как надо это сделать, а потом сказал: «пишите диагноз – коарктация аорты». Он был человеком непростым и начал упрекать всех остальных, мол, не знаете, как надо измерять давление.

Могу сказать, что он был очень требовательным, прежде всего к себе. Человек, который был академиком, профессором, заведующим кафедрой, так каждый раз волновался, когда шел читать лекцию студентам, что после лекций ему

готовили душ для того, чтобы успокоиться. Он волновался перед студентами, потому что был требователен к себе и постоянно недоволен собой, всегда хотел поднимать планку. Он был не удовлетворен тем, что есть. Наверное, потому что знал, что может сделать больше.

У каждого кружковца был куратор. У меня, например, – Борис Яковлевич Барт. Много идей всегда было у Юрия Борисовича Белоусова, он занимался гемостазом, антикоагулянтами.

С Павлом Евгеньевичем мы виделись не реже, чем раз в месяц. Нас приглашали к нему в кабинет, все кружковцы собирались и рассказывали о своей научной работе, а куратор обязательно должен был прокомментировать. Щедрым на похвалу Павел Евгеньевич не был. Если кто-то хвалил кружковцев, то он лишь кивал, мол, работайте-работайте. Я лишь раз слышал похвалу, когда измерял давление тому мальчику. Павел Евгеньевич, видимо, считал, что я думал о коарктации аорты, а я не думал, я просто знал, что нужно измерить давление.

В кружке я написал статью по внутрижелудочной рН-метрии (Б.Я. Барт убедил Павла Евгеньевича заняться вопросами гастроэнтерологии). Но больше мы занимались недостаточностью кровообращения, изучали влияние бетаблокаторов, они в то время только входили в практику. Были спорные вопросы, т.к. они обладают отрицательным инотропным действием, можно ли их назначать при инфаркте миокарда, сердечной недостаточности. Также изучали влияние различных аритмий на исходы инфаркта миокарда. Тогда были выделены нарушения ритма с летальностью 100%.

Неформальных разговоров у меня с Павлом Евгеньевичем не было. После письма об ординатуре, Рафаэль Гегамович мне сказал: «Пойдем, скажем спасибо». Он вошел к нему в кабинет, но меня так и не позвали. Несколько раз Павел Евгеньевич с кружковцами пил чай. При этом он старался категорически избегать политических тем. Как-то во время клинического разбора вбегает сотрудник и кричит: «Косыгин на про-воде!». Павел Евгеньевич, не прерывая разбора, спокойно отвечает: «Скажите, что обязательно перезвоню через час-два».

Павел Евгеньевич – педагог, врач, ученый, но прежде всего врач. Врач от Бога. Это было искусство или интуиция, не знаю. Второго такого в своей жизни я больше не видел. Он был легендарным, настолько выше остальных и абсолютно

П.Е. Лукомский

непрекаемым авторитетом, объединял весь коллектив, поэтому, наверное, когда он ушел, многие разбежались по другим кафедрам.

Из увлечений его я знаю только про театры. По крайней мере, с нами Павел Евгеньевич только о них говорил. Он постоянно ходил в театр. А потом спрашивал: «Вы смотрели такой-то спектакль?» Когда мы пытались объяснить, что на него невозможно достать билеты, он отвечал: «Найдете, если захотите!», и мы, действительно, находили. Он знал все основные спектакли. Мы ходили часто, но понимали, что он намного больше их смотрит.

Он не курил и не выпивал. Мог пригубить рюмку коньяка, закусывал лимоном – и на этом все.

Был ли он добрым человеком? Смотря что это слово означает. Он не был «добреньким», но это был человек, который столько сделал для больных, для того, чтобы создать школу, из которой вышло столько заведующих кафедрами. Если это не доброта, тогда что это? Когда он начинал ворчать на врачей и сотрудников, все знали – это опасно. Но это было от чего? Он всегда хотел как лучше. Надо проявлять доброту к кому? К доктору или пациенту, которого он чуть не загубил? Так что в моем понимании он, несомненно, был добрым.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.А. АСОСКОВА

В жизни каждого человека есть люди, которые оказали большое влияние на становление его личности. Одним из таких людей для меня явился академик Павел Евгеньевич Лукомский, которого я впервые увидел в 1967 году, прия на кафедру в студенческий научный кружок. После окончания института в 1969 году я продолжил обучение в ординатуре и аспирантуре на кафедре госпитальной терапии, которой он руководил. В то время я был лекционным ассистентом. Павел Евгеньевич был очень требовательным к себе и к своим сотрудникам, когда дело касалось подготовки к чтению лекций. На подготовку материалов к лекции могло уходить несколько дней, с привлечением ведущих специалистов, таких как рентгенолог, профессор И.Л. Тагер, дерматолог, профессор М.М. Желтаков, хирург, профессор В.С. Маят.

У П.Е. Лукомского было много учеников, с которыми ему доставляло большую радость делиться профессиональным опытом. Он очень любил общаться с молодежью, каким-то своим внутренним чутьем угадывать самых талантливых; поэтому

В.А. Асосков

не случайно, что так много известных ученых и врачей вышло с кафедры под его руководством: академик Анатолий Иванович Мартынов, член-корреспондент Юрий Борисович Белоусов, профессор Виктор Алексеевич Люсов и многие другие.

Когда я узнал Павла Евгеньевича, ему было 70 лет. Иногда он вспоминал свои гимназические годы и пору студенчества, проведенную в клиниках Девичьего поля. Признавался, что большой студенческой компанией могли после занятий выпить пива в ресторанчике в Хамовниках. Его непосредственным наставником со времен студенчества был Е.М. Тареев, которого он безмерно уважал и считал своим учителем, несмотря на небольшую разницу в возрасте (4 года). Всегда очень дорожил его мнением. Их дружба продолжалась всю жизнь, до самой смерти Лукомского. Однажды, готовясь к празднованию 75-летия Евгения Михайловича, Павел Евгеньевич заказал огромную корзину роз и каждые 5 минут сам выходил на улицу посмотреть, не привезли ли цветы. А потом, боясь, что они затеряются в общей массе корзин, с волнением положил в цветы свою визитку.

Павел Евгеньевич рассказывал о том, что родился в семье военных, упоминал своего дядю – генерала А.С. Лукомского, начальника штаба Деникинской армии. С гимназических лет дружил с профессором С.В. Моисеевым, сидел с ним за одной партой. П.Е. Лукомский хорошо владел немецким языком, всю жизнь занимался с преподавателем, которую знал еще со времен гимназии.

Павел Евгеньевич любил отдохнуть с семьей Е.М. Тареева на их даче в Подмосковье. Супруга Е.М. Тареева – выдающийся ученый, профессор Галина Александровна Раевская работала на нашей кафедре. У Тареевых всегда собиралась московская интеллигенция из числа врачей, ученых, артистов.

П.Е. Лукомский был большим поклонником балетного искусства, прекрасно в нем разбирался, не пропускал ни одной премьеры в Большом театре. Любил живопись, особенно творчество художников-импрессионистов. Однажды в беседе об их творчестве я высказал утверждение о том, какая у нас в стране большая коллекция их работ. На что он скромно спросил: «А в Лувре вы были?».

В 1972 году в Москву с ответным визитом к Лукомскому приезжал знаменитый американский кардиолог Пол Дадли Уайт. Кафедра организовывала культурную программу для уважаемого гостя. Ему было предложено в один из дней на выбор: «Лебединое озеро» в Большом или матч СССР – Канада. Павел Евгеньевич искренне, по-детски был удивлен, когда выбор был сделан в пользу хоккея.

База кафедры в те годы была в 59-й клинической больнице, и мы, молодые врачи, разыгрывали дежурство в блоке интенсивной терапии с пятницы на субботу как дежурство в новогоднюю ночь (график работы был в то время – шестидневка), потому что Павел Евгеньевич не каждую субботу был в клинике, так как мог быть в это время на консультации в больнице 4-го Главного управления. Правда, мог он и ночью приезжать в клинику, если был «тяжелый» больной.

П.Е. Лукомский и П. Уайт

Помню однажды поступил в мое дежурство в отделение по скорой народный артист СССР А.И. Райкин. В ту ночь скопилось много скорых, было большое поступление, артиста я сразу и не узнал. Лукомскому доложили о Райкине от министра культуры Е.А. Фурцевой. Павел Евгеньевич позвонил в отделение, спросил меня, нужна ли его срочная консультация. Я ответил, что в ней нет необходимости. Он уточнил: «Вы уверены или самоуверен-

ны?» Тогда я был уверен. Скажу честно, что в те времена мы действительно думали, что лучше умереть самому, чем во время дежурства погибнет пациент. И не потому, что боялись гнева руководителя, а потому, что было очень стыдно оказаться некомпетентным как специалист, тем более при таком наставнике.

Аспирантов Павел Евгеньевич любил как своих детей. Часто приглашал нас домой в гости, где у него была просто огромная коллекция хороших вин. Угощал с большим удовольствием, смотрел на нас в неформальной обстановке; мог и сам выпить рюмку, радовался, задумывался. Может быть, вспоминал свою молодость. Помню, что считал он себя уже достаточно пожилым человеком, хотя всегда был отменно одет, причесан и выбрит. Никогда не допускал промахов ни в одежде, ни в манерах, ни в поведении.

Около 59-й больницы тогда был стадион «Слава». И мы всей кафедрой играли в футбол. Павел Евгеньевич приходил на все матчи, болел. Помню играл я как-то со сломанной рукой, в гипсе. Против нас была команда сотрудников кафедры хирургии, П.Е. Лукомский очень удивлялся: как я смог забить гол. Была у кафедры традиция после окончания учебного года ездить за город. Финансирувал поездку всегда он сам. Он был невероятно щедрым человеком и бессребреником. До сих пор на кафедре стоит стол Павла Евгеньевича, в верхнем левом ящике которого у него всегда лежали деньги. И если на кафедре было какое-то застолье, то он всегда доставал деньги из первого ящика стола и давал на «общественные нужды». Или просто говорил: «Возьмите в столе сколько нужно».

Аспиранты в то время принимали участие в диагностике и лечении кардиогенного шока, в разработке аорто-импульсной терапии. Это основные темы диссертационных работ сотрудников кафедры. К разработке этих тем привлекали также сотрудников других институтов: Г.М. Соловьева, В.И. Шумакова.

За работу по созданию блока интенсивной терапии инфаркта миокарда П.Е. Лукомский и Е.И. Чазов получили государственные премии. Павлу Евгеньевичу было присвоено звание Героя социалистического труда с вручением ордена Ленина.

По случаю 70-летия Лукомского было проведено совместное заседание Академии медицинских наук СССР, МЗ СССР и РСФСР и медицинской общественности страны.

В 1973 году у Павла Евгеньевича произошел первый инфаркт миокарда. Это случилось в клинике и благодаря экстренным мерам, своевременно принятым Р.Г. Огановым, он остался жив и продолжил свою деятельность. В первые сутки болезни лечение проводили в блоке интенсивной терапии 59-й больницы. Все сотрудники кафедры принимали активное участие в лечении и восстановлении дорогого учителя. На основании грамотного решения В.А. Люсова и Ю.Б. Белоусова Павлу Евгеньевичу ввели стрептокиназу, состояние стабилизировалось. На вторые сутки Павел Евгеньевич был переведен в клинику на ул. Грановского. Но вернувшись к работе, он не снижал нагрузок, не берег себя.

Второй инфаркт случился дома, Павла Евгеньевича сразу увезли в больницу на улице Грановского. Доверенным лицом Лукомского являлся Владислав Васильевич Соловьев, от него мы получали информацию о состоянии здоровья. Все сотрудники кафедры были уверены в скором выздоровлении Павла Евгеньевича. Однако 8 апреля 1974 г. на утренней конференции профессор В.В. Соловьев сообщил о кончине П.Е. Лукомского. Гражданская панихида проходила в Академии медицинских наук. Длилась она почти 12 часов, было очень много людей, целые делегации. Венки были от Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР и других организаций.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.П. САВЕНКОВА

Для нашей семьи Павел Евгеньевич – святой человек. Я с детства воспитывался с этим именем и преклонением ему родителей – отца, в частности. Павел Евгеньевич существенно повлиял на нашу жизнь, определил ее. Петр Михайлович, мой отец – один из основных учеников Павла Евгеньевича, его ближайший помощник. Он сыграл очень большую роль в становлении папы как врача, но, что интересно, и в моей жизни тоже. Я совершенно не собирался идти на кафедру, и более того, мне «негласно» запретил отец. Не разрешил идти, потому что он там работает. Я и пошел на кафедру факультетской терапии в

М.П. Савенков

кружок, стал старостой кружка на 4 курсе. На 5 курсе попал на кафедру госпитальной терапии, там проходил цикл, и в один из дней меня вызывают в кабинет к Павлу Евгеньевичу. Захожу, он сидит за большим столом. Человек небольшого роста, но огромной силы воли. Павел Евгеньевич задает мне вопрос: «Михаил Петрович, а вы наукой занимаетесь?» Я отвечаю: «Занимаюсь, у Анатолия Иннокентьевича Нестерова, в кружок хожу, староста кружка». И Павел Евгеньевич: «А почему вы не у нас?». Мне пришлось объяснить, что папа запретил. Тогда он вызывает к себе моего отца. Петр Михайлович влетает в кабинет, спрашивает: «Павел Евгеньевич, вызывали?», потом видит меня, а я стою и думаю: «Ну, влип...»

– Петр Михайлович, а кто у нас заведующий кафедрой?

– Павел Евгеньевич, ВЫ!

– А почему вы Михаилу Петровичу запрещаете в наш кружок ходить? Михаил Петрович, а вы бы хотели у нас заниматься наукой?

Конечно, я сказал: хочу. Лукомский вызывал сотрудника, меня передали под курацию А.Н. Россельсу, дали тему. С этого началась моя жизнь в госпитальной терапии. В 1974 году Павел Евгеньевич умер, а я пришел в 1971 году. Но эти три года определили все мое дальнейшее развитие.

...Передача опыта лежит через обучение, и я как студент и ординатор имел возможность слушать лекции П.Е. Лукомского, быть на его обходах. Павел Евгеньевич в моем понимании – это клиницист высочайшей категории. Личность, которая его формировала, – это Д.Д. Плетнев. Забегая вперед, о семейных традициях, я тогда понял, что отношения его с Плетневым были достаточно неформальные. Есть показательная фотография. Павел Евгеньевич (примерно в 22 года) вместе с внучкой Плетнева. Это уже то, что формировало его, как представителя семьи.

Много позже, когда папа уже умер, мне принесли фотографию. На ней за столом сидит Павел Евгеньевич, мои родители и Е.М. Тареев. Я показал фото своей маме, никогда не знал, что они так дружили. Мама рассказала, что это на даче у Евгения Михайловича. А мой отец тогда – простой ассистент с женой и ребенком. Далее мама рассказала, что мной занималась домработница Тареева. Это один из фактов, показывающий участие Лукомского в жизни сотрудников кафедры – кому-то лекарства, еще какая-то помощь, когда все это крутится не только на профессиональном врачебном уровне, но и на чисто человеческом. Это высочайший профессионализм, базирующийся на человеческих качествах. Он выбирал себе сотрудников, которые были по этому критерию на высоком уровне. Кстати, и физически красивые люди, талантливые. В этом был его определенный шарм. Но критерий был один – они должны были быть порядочными, преданными работе и медицине.

Я видел отношение к Павлу Евгеньевичу в моей семье: это был Бог. С моих пяти-шести лет его имя постоянно звучало в нашем доме. Для сотрудников он был как родной отец, всегда заботился о том, чтобы у них в семьях было все хорошо и

материально в том числе. У меня папа тогда пришел с войны, потом началась учеба. Финансово было тяжело, жили в 7-метровой комнате вчетвером. Неожиданно у папы появляется машина – Победа. Павел Евгеньевич продал машину моему отцу: он менял машину и предложил папе продажу на очень выгодных условиях. П.Е. Лукомский – очень человечная личность в плане отношения к сотрудникам и вообще к людям.

Павел Евгеньевич положил начало такому направлению, как клиническая фармакология. Петра Михайловича он ввел в состав Фармакологического комитета Советского Союза. Все новейшие препараты, которые были, сразу поступали на кафедру. Я до сих пор помню, длинный вытянутый кабинет, стеллажи до потолка, забитые лекарствами – все самые современные антибиотики, антиаритмики, диуретики, все самое новое. Дальше надо было их проверить и дать заключение об эффективности.

П.Е. Лукомский – предтеча многих направлений. На кафедре была мощная радиоизотопная лаборатория, ею заведовал Е.И. Жаров, пульмонологическое подразделение и т.д. Я пришел на кафедру, где все было не в мировом масштабе, а в масштабе кафедры, но все.

Как ординатор на кафедре, я помогал в обслуживании лекций и предложил их записать на магнитофон. Павел Евгеньевич одобрил это, и перед лекцией я вставлял микрофон ему в кармашек. Он как на веревочке ходил эти 1,5 часа, ему очень нравилось это. Записали лекций десять.

Павел Евгеньевич учил настоящей медицине. Он читал не тему, он читал больного. Инфаркт миокарда – это был именно больной инфарктом. Сама лекция начиналась с больного. Очень интересен подход Лукомского к этому. Лекционные ассистенты предлагали ему больных, которые лежали в отделении, дальше он шел и всех смотрел. Назначал лечение, добавляя в том числе новые препараты. И уже с выбранным больным шел на лекцию. Это – принцип преподавания клиницизма. С.С. Зимницкий – предтеча П.Е. Лукомского, еще в 20-е годы говорил: «Надо лечить не болезнь, а больного». Вот этот принцип мы соблюдаем свято, даже несмотря на появление доказательной медицины, которая увела медицину в усредненное и стандартизированное направление. Павел Евгеньевич – представитель нашей национальной традиционной медицины, более глубокой, мудрой, индивидуальной. Это то, что хочет каждый человек, чтобы так относились к его состоянию. Лукомский – специалист высочайшей категории, его подход – разобраться в человеке индивидуально.

Со временем пришло понимание, что Павел Евгеньевич – это не прошлое, а настоящее и будущее. Новая Международная классификация болезней (МКБ-11) учитывает все самые современные достижения в клинике, диагностике, профилактике. Это возможность расширения современного диагноза. Развернутый клинический диагноз – путь для того, чтобы принять верное решение для лечения пациента. Когда я дошел до этого, то понял, что пред-

теча МКБ-11 – П.Е Лукомский. О сложнейших вещах на лекциях он говорил очень просто. Брал больного, рассказывал его анамнез, который ему собирали ассистенты. Тут же уточнял у больного детали, тут же это обсуждалось. Потом ставился диагноз, который включал в себя основное и сопутствующие заболевания. Меня учили в ординатуре выделять ведущий синдром у больного, что как раз и заложено в МКБ-11. Назад в будущее. МКБ-11 — как возвращение к нашему классицизму. Она разворачивает диагноз в отличие от используемой сейчас МКБ-10.

Феномен Павла Евгеньевича – это высочайший уровень преподавания сложной клинической специальности на простом языке. Он говорил доступно о сложных вещах, что может сделать только человек, владеющий предметом на высочайшем уровне. П.Е. Лукомский – это основа нашей медицины, отсюда и преподавание, базирующееся на клиническом опыте.

Павел Евгеньевич – специалист, в первую очередь педагог. Из его школы вышли более 30 заведующих кафедрами – клинической фармакологии, функциональной диагностики, поликлинической терапии, клинической реабилитологии и многими другими. Сегодняшняя медицина – это продолжение того, что он делал в свое время, только на базе доказательной медицины. Одним словом – КЛИНИЦИСТ. Педагогов такого уровня сейчас, я думаю, нет.

Отношение к Павлу Евгеньевичу на кафедре – это беспрекословное поклонение и подчинение.

Пора вспоминать о П.Е. Лукомском, чтобы вернуть те традиции, создать ренесанс его идей. Путь к индивидуальной медицине.

Павел Евгеньевич был строгим учителем, я не помню, чтобы он хвалил кого-нибудь. Высочайшая степень похвалы была, если он не поругал. Я видел очень много реакций, когда он был недоволен – это было что-то: историю швырнуть и в этом духе. На кафедре было демократично в плане человеческих отношений. Были те, кто не прижился, были, кого он выгонял, и были поводы для этого. Я бы не сказал, что какая-то требовательность колossalная. Была одна история... Мы были молодые, отмечали что-то после работы. Одному сотруднику стало немножко плохо, мы его завели в кабинет, который был перед предбанником Павла Евгеньевича, положили, чтобы он поспал, и ушли. Он рассказывает наутро: «Я проснулся, время 2 часа ночи, встаю, чтобы уйти домой, закрываю тихо кабинет, а сзади голос Павла Евгеньевича: «Вы что тут делаете?» Я поворачиваюсь, говорю: «Тут методика идет, я приехал снять показатели». Это кончилось тем, что из всей молодежи Лукомский выделил его как самого трудолюбивого, который приехал ночью снять показатели. Это было потрясающее. Павел Евгеньевич поддерживал это. На кафедре собирались люди – фанаты в плане медицины, работоспособности, исполнительности. Это и есть похвала, что человек им признан.

Ученики и ученики учеников у могилы П.Е. Лукомского.

Слева направо – И.Г. Гордеев, Е.Т. Разумова, С.М. Отарова, Е.Е. Ильина, В.Н. Соболева, Е.О. Таратухин, О.А. Байкова, Е.А. Бекчиу, В.Б. Разумов, В.А. Кокорин, В.А. Асосков, М.П. Савенков, А.Л. Кудряшова. 2024 г.

У П.Е. Лукомского были специалисты высочайшего класса, все знали, что они такие. Я счастливый человек, что попал туда.

Одно из увлечений Павла Евгеньевича впоследствии перешло и на папу, и на меня. Он любил чай. В перерывах между лекциями он пил чай. Полина Васильевна Казьмина ему всегда готовила чай, подстаканник, граненый стакан. Но чай особенный, индийский и определенная концентрация заварки. Если чай не красный, он никогда не будет пить его.

Отправляясь в поездки, Павел Евгеньевич брал с собой сотрудников – в Индию, Югославию. Кафедра была большой дружной семьей. Лукомец – это особый дух, товарищество, поддержка. Эти три-четыре года на кафедре изменили мою жизнь. До сих пор мы приходим все вместе на Новодевичье кладбище, где похоронен наш Учитель...

П.Е. Лукомский – это российский национальный феномен, определивший развитие кардиологии на многие годы.

Авторы выражают глубокую признательность ученикам П.Е. Лукомского, принявшим участие в подготовке данного издания.

ССЫЛКИ:

1. Губанова Н.Ф. К 105-й годовщине со дня рождения П.Е. Лукомского. <http://www.apteki.nnov.ru/docs/457/3-5-1.html>
2. https://bmz.org/index.php/ЛУКОМСКИЙ_Павел_Евгеньевич
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Лукомский,_Павел_Евгеньевич
4. https://novodevichiynecropol.narod.ru/07/lukomskiy_pe.htm
5. <https://rsmu.ru/index.php?id=2041>
6. Наши учителя. Лукомский Павел Евгеньевич. Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии, 2015;11(5):548-50.
7. 110 лет со дня рождения Павла Евгеньевича Лукомского. Российский кардиологический журнал, 2009;4(78):112-3.
8. Кнопов М.Ш., Тарануха В.К. Выдающийся кардиолог П.Е. Лукомский (К 40-летию со дня кончины). Клиническая медицина, 2014;1:67-9.
9. Лазебник Л.Б., Беляева В.С. в кн. Российские терапевты, М., 2010, Лукомский Павел Евгеньевич, с. 242-243.
10. Лукомский П.Е. Случай прижизненного распознавания тромбоза левой венечной артерии, подтвержденный вскрытием. Клиническая медицина, 1925, т.3, №11, с. 357-359.
11. Люсов В.А., Колпаков Е.В., Таратухин Е.О. К юбилею кафедры госпитальной терапии №1 лечебного факультета РГМУ (Ч. II). Российский кардиологический журнал, 2011;2(88):
12. Шайдюк О.Ю., Ильина Е.Е. Приоритетные и наиболее значимые события в жизни кафедры госпитальной терапии №1 лечебного факультета Российского государственного медицинского университета. Российский кардиологический журнал, 2006;1:164-8.

ДЛЯ ЗАМЕТОК:

Библиотека Российского научного медицинского общества терапевтов –
М.: ООО «Бионика Медиа Инновации», 2024 – 56 с.

Сдано в набор 05.11.2024. Подписано в печать 08.11.2024. Бум. офсет.

Гарнитура ThamesC
Печать офсетная

Оформление, оригинал-макет,
ООО «Бионика Медиа Инновации», 2024